

Стена

Двухнедельный военный журнал ЦК ВЛКСМ

№ 4
ФЕВРАЛЬ 1942 г.
XIX ГОД ИЗДАНИЯ

КОНИГВАРДЕЙСКАЯ ПЕСНЯ,
посвященная бойцам и командирам 3-го гвардейского
кавалерийского корпуса

Походные трубы играют тревогу,
Пылают в огне горюхот,
На Запад вперед пробивает дорогу
Родной Юго-Западный фронт.
Гвардейцами аватяса—высокая слава,
Гвардейские слышат голоса,
Летит на фашистов смертельная лава,
Как молнии, блещут клинки.
Промчавшись сквозь тучи военного
Зыма,
Добудем победу в огне.
Всегда вперед генерал наш
Кресточки на бортом коне.

Домой возвратиться, фашист,
Не надейся —
Дорубим поганую рать!
Рука тяжела у героев-гвардейцев,
Ударил — костей не соберет.
Идет в наступление наш корпус
Ударный, —
Мы русской отмаги нольма,
Пархоменко с нами — нация
легендарный.
Как в годы гражданской войны,
Походные трубы играют тревогу,
Пылают в огне горюхот,
На Запад вперед пробивает дорогу
Родной Юго-Западный фронт.

В. Е.

Кровь сердца

И он, нахлебав в черные кружки,
Привычным, тоном жестом
похлопал
Отодвигает к залу флажки,
Он встал над фронтом, на
Москвой, над нами,
Он руку к залу протер своим:
— Пусть осенит нас ленинское
знамя,
Сыны мои, в решительном бою!»

То, чем насыщены эти строки, пережито каждым из нас. «Декабрь под Москвой» Алексея Суркова — не просто сборник стихотворений, где любое можно перефразировать, поменять местом с другим без ущерба для общего содержания.

Это книга одного дыхания, одной темы, это — мужественное повествование о том, как боролись в народном сердце ненависть и гнев, как, обращаясь от внезапного и вероломного удара, окреп и накопил силы народ-исполни, народ-мстителю, народ-любитель.

«Декабрь под Москвой» — своеобразный поэтический итог того, что было пережито нашим народом в первые грозные месяцы войны.

Пост жил одной жизнью с народом. Вместе с частями Красной Армии прошел он по окрестностям полям Белоруссии, видел тысячи трунов женщин и детей в железнодорожных вагонах и на железнодорожных путях. Они бегут, дезориентированы, как свинком и равным железом. Глаза его «видели» черные пелены жизни, обугленные остовы заводов, испорченные фермы мостов, подлинная к небу «обрубила» балок. Это видела глаза поэта. Это видела глаза бойцов.

Насречу бойцам шли их братья, сестры, их дети, их отцы и матери, лишённые крова, беспризорные, охваченные ужасом.

«...Толпы людей, без конца и числа,
Шли нам насречу в прелу-
ренной раи.

Помню: старуха колесная вела,
Девочка в тонких ручках несла
Маленький, пышный кусти-
к герани.
Гнал их из города ужас ночной,
Памя рвело за их спиной».

Эти семь строк дают представ-
ление о новой манере Суркова —
об удивительной зрелости его
стихов. Ничего лишнего, ниче-
го декоративного. Образы заме-
чены точно, скупы и потому пре-
дельно выразительны. Слабенькие
ручонки девочки, сжимающие до-
машний цветок, старуха, ведущая
колеску, — о каком большом че-
ловеческом горе говорят эти мел-
кие как будто детали!

Обо всем виденном поэт расска-
зывает как бы эпическим тоном.
Но сколько горечи и тоски за
этим видным спокойствием! И
как волнует оно читателя!
...Люди гонят усталые стада на

восток. Позади развалины сожжен-
ных домов, погребие, убитые, ле-
жащие на зарытой воронками
земле. Огромно горе, взыгравшее-
ся на людей. И в тяжелой гро-
мозду нарастает в их сердцах
ненависть к тому, кто породил это
горе.

«...Нет твари бесцердечней и бес-
честней,
Чем злобный Гитлер, враг моей
земли».

Ненависть к немецким оккупан-
там — одна из основных тем кни-
ги Суркова. Мужественными сло-
вами говорит он о тяжелой
ненависти, которая дунит, от ко-
торой люди срывают по своим
убам, которая переполняет сердца
бойцов и народных мстителей —
партизан.

«...Пока сердце мое бьется в
груди, пока я жилая моих оста-
ется хоть капля горячей крови,
Я поцелую мою ненависть как зна-
мя, я испепелю своей ненавистью
черные орды фашистов».

Это вышло из пера поэта Ивана
Петра, которая заменяет пред-
исловие к книге.

Так это выражено в прозе.
В стихе же как чувства выражены
с предельной, суровой, закончи-
тельностью, со сдержанностью, кото-
рая потрясает. Вычитается, в одно
из лучших стихотворений книги:

«Человек склонился над водой
И увидел варгу, что он седой.
Человку было двадцать лет,
Над лесным ручьем он дал обет
Беспощадно, яростно казнить
Тех людей, что рвутся на восток.

Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жестоко?»

К этому стихотворению трудно
что-либо прибавить. Из него выче-
сть нельзя вычеркнуть. Оно про-
сто, строго и кратко, как народ-
ная притча.

Одни за другим создается поэт
образы народных мстителей. Вот
человек, сплывший своей
собственной лодкой в лес с
оружием в руках. Вот боц, по-
теравший семью. Вот мать погуби-
го партизана — априма, сидя, с
пистолетом от горя суровым ли-
цом.

Но сила нашего народа не толь-
ко в его ненависти к врагам. Его
сила — в глубокой, сознательной
любви (иель и ненависть наша
зидается из любви), любви к нашей
родине, к стране — самой справед-
ливой, самой прекрасной, самой
мудрой. Мы воюем против самого
черного и душного, что есть в
мире — против гитлеризма, попури-
шего права народа, унижающего

своей собственной народ. Мы сра-
жаемся за свою свободную роди-
ну, дающую счастье многим наро-
дам, уравнивающую в правах все на-
роды. У нас есть против чего по-
нять и за что воевать.

«...За каждый заложённый в
стройку камень,
За каждый дом и завод,
За мир, воздвигенный своим ру-
ками,
Сражастся наш народ, —

пишет Сурков.

Огромны наша ненависть и на-
ша любовь.

Когда враг подступил к стенам
любимой нашей Москвы, во весь
рост своей ненависти и своей люб-
ви встал москвич. Об этом го-
ворит поэт:

«Огня горячее и тверже стали
Отважных бойцов стали.
По зову вождя мы под знамя
встали
Разить ураганом свинца.
Мы дали отгнать своего присягу,
Огнем подкренили саова.
Вперед! В наступление! Назад
ни шагу!
За нашей спиной Москва».

Враг покунулся на самое наше
доброе — он должен быть разбит.
Помощь своею рубком, дека-
брь — зной, с которой начал-
ся великий перелом в ходе войны.
По зову вождя, охваченные люб-
вью и ненавистью, двинулись
наши войска вперед, сокрушая и
оттесняя черные орды Гитлера все
дальше и дальше на запад.

С пруссецкой ему мужественной
сдержанностью пишет об этой
торжественной минуте Алексей
Сурков:

«Шурлит по крышам снеговая
кружка,
На Спасской башне полночь
бьют часы,
Знакомая негаснущая трубка,
Чуть тронутые протрессы усю.
Он наш корабль к победам вел
сквозь годы,
Для нашей славы временем хра-
ним.
И в эту ночь над картой все
народы
В седом Кремле склонились
вместе с ним.
На карте фронт узорный вилью
вьется».

По слову Сталина, под
знаменем выигранных
великая битва — самая справедли-
вая из всех битв, какие знала исто-
рия. Темперментно, красиво
показывает поэт, как неудержимо
пошла вперед колонна наших
танков, наших орудий, наши полки,
не наклонившие головы.
Поэт предлагает запомнить этот
день и это место.

«...Здесь ввинты в снеговую пе-
лину
Стальные каски, плоские шляпки.
Отсюда, в первый раз за всю
войну,
Вперед, на запад, хлынули пол-
ки.
Мы в веснях для потопства
сберем
Назавтра тех створенных дере-
вьев,
Где за посланим, горьким ру-
блем
Коначалась ночь и начинался
день».

День начался, повторим мы
вместе с поэтом. Какие бы испы-
тания ни осыпали нас вперед, мы
знаем, что день начался. Не ус-
лабляясь на достигнутом, не ос-
лабляя ни на мгновение дружных
своих усилий, трудно завоевать
каждый шаг, итем мы и победи-
ли. Мы слыли глубокой ответствен-
ностью в своей правоте, уверенность,
которая бесконечно далека от са-
моуспокоенности.

За месяцы трудовых испытаний
наш народ закалялся и возмужал.
Каждый из нас молодож, знает
это по себе. Еще недавно мы бы-
ли детьми. Война возмужала нас
ответча за каждый шаг посту-
пка, соразмерять наши силы и
продолжать препятствия. Это и
есть зрелость.

Ненависть зрелости отмечена кни-
гой Суркова. «Декабрь под Мос-
квой» свидетельствует о большой
творческой рости поэта. В его
стихах — гневных, суровых, му-
жественных — нет ничего, что бы-
ло бы лишнее: «для красота».
Каждое слово, каждый образ, ту-
тун стихом этой книги — практиче-
ски глубоко внутренней необхо-
димостью.

Эти стихи народны. Недаром
«Песня смелых» стала подлинно
народной песней. Поэт с полным
благословием презабавил своим ту-
тун стихом этой книги — практиче-
ски глубоко внутренней необхо-
димостью.
Эти стихи народны. Недаром
«Песня смелых» стала подлинно
народной песней. Поэт с полным
благословием презабавил своим ту-
тун стихом этой книги — практиче-
ски глубоко внутренней необхо-
димостью.
Эти стихи народны. Недаром
«Песня смелых» стала подлинно
народной песней. Поэт с полным
благословием презабавил своим ту-
тун стихом этой книги — практиче-
ски глубоко внутренней необхо-
димостью.
Эти стихи народны. Недаром
«Песня смелых» стала подлинно
народной песней. Поэт с полным
благословием презабавил своим ту-
тун стихом этой книги — практиче-
ски глубоко внутренней необхо-
димостью.
Эти стихи народны. Недаром
«Песня смелых» стала подлинно
народной песней. Поэт с полным
благословием презабавил своим ту-
тун стихом этой книги — практиче-
ски глубоко внутренней необхо-
димостью.

XX 71

XLIII-9

Когда мы в поле на ветру стоим
 И нас встречает ураган свинца,—
 Как в дни работы, именем твоим
 Окрылены бойцов сердца.
 Грохочут пушки, и свистит шрапнель,
 Но цель ясна, и страха нет в груди:
 Твою красноармейскую шинель
 Боец в атаке видит впереди.

И перед каждым новым рубежом,
 Когда вступит смерть в свои права,—
 Мы, как святыню, в сердце бережем
 Твои простые, ясные слова.
 Пусть мы не все под отчий кров придем,
 Отца сменяя, сын возьмет ружье,—
 К победе путь указан мне вождем,
 И коммунизм — бессмертие мое.

А. СУРКОВ

МЫ ВЕДЕМ ОСВОБОДИТЕЛЬНУЮ, СПРАВЕДЛИВУЮ ВОЙНУ

Семье десяти месяцев продолжается война советского народа с немецкими фашистами.

В этой битве с невиданной силой проявляются все благородные качества, какими обладает наша Красная Армия, наш великий народ, наша молодежь.

Война — самая строгая проверка человека. В час тяжелых испытаний, выпавших на долю нашего поколения, молодой человек сталинской эпохи показал, на что он способен. Он не дрогнул перед лицом грозной опасности, встретил ее с суровым спокойствием, с твердой решимостью грудью своей отстоять родную землю от ненавистного врага.

Где, в какой армии возможен подвиг, подобный тому, который совершил комсомолец Сосновский? Когда пулеметы фашистского дзота стали поливать свинцом группу красноармейцев, Сосновский, не раздумывая, бросился к амбразуру немецкого укрепления и своим телом закрыл ее, остановив огонь вражеского пулемета. Сосновский знал, что он идет на верную смерть. Но он знал и другое: ценой своей крови он проложит путь к победе, — и Сосновский без колебаний отдал родную свою жизнь.

Быть может, героическое самопожертвование молодого бойца — исключительный случай? Но вот прошло всего несколько дней, и подвиг Сосновского, уже на другом фронте, повторяют три других воина: сержант Герасименко и бойцы Крайников и Черемков. Как и Сосновский, они залезли грудью в амбразуры трех вражеских дзотов — и линия укрепления была прорвана.

Нет, эти подвиги не случайны. Таковы уж советские люди, смелые рыцари без страха и упрёка. Воспитанные партией Ленина — Сталина, молодые патриоты с радостью отдадут любимой матери-родине все силы, всю жизнь.

Слов нет, тяжело становится с жизнью: умирать никому не хочется. Но что стоит жизнь, купленная ценой нарушения долга или предательства? Проклятие и презрение станут уделом труса, изменника. Эти истины стали непреложным законом нашей молодежи, путеводной звездой каждого красного воина.

Ленинский лозунг — смерть, или победа — воплотил в плоть и кровь нашей молодежи.

Под Ростовом шестнадцать комсомольцев-артиллеристов оказались лицом к лицу с восемнадцатой немецкими танками. Шестнадцать молодых людей против восемнадцати бронированных чудовищ!

И все же ни одному из них и в голову не пришла мысль о бегстве. Стальной броней фашистских танков они противопоставили мужественные сердца советских людей. И победили сердца!

Как только появились неприятельские машины, командир комсомолец Отанов сказал бойцам коротко и просто:

— Мы должны задержать и уничтожить вражеские танки. Будем драться до конца! Погибнем, но не позарим своей чести!

Они не отступили ни на шаг. Они дрались до последнего снаряда, до последнего патрона, до последнего вдоха.

Все шестнадцать вали смертью храбрых. Но к восемнадцати фашистских танков не прошли.

Нет и не может быть таких героев у немецких фашистов!

У них нет и никогда не будет Сосновских, Крайниковых, Отановых, не боющихся смерти во имя родины, во имя победы. Ибо нет у них, у фашистов, веры в правоту своего дела.

Красный воин знает, что он борется за свой будущий, за честь, свободу и независимость своей страны, за раскрепощение народов, его-ликих под игом фашизма. Он мстит за зверства и издевательства, за поруганную честь Жен, сестер и матерей, за страдания своего народа. Ради этого нельзя не драться яростно, до последней капли крови. Ради этого можно умереть.

Фашист-грабитель, навазавший на чужие земли, убивавший беззащитных женщин, стариков, детей, крокодавер, нагл, жесток. В минуту смертельной опасности он способен яростно отбиваться. Но храбрый, самоотверженный он не будет никогда. Убийцы не бывают храбрыми. Эти качества свойственны лишь людям, борющимся за высокие идеи, за правду, за волю, за счастье народов. Поэтому так много в Красной Армии отважных бойцов. Поэтому так много у нас добровольцев. Поэтому героизм стал у нас массовым явлением.

Ни один немецкий солдат не может сказать, что он ведет справедливую войну, — говорится в приказе наркома обороны товарища Сталина от 23 февраля 1942 года. — ибо он не может не видеть, что его заставляют воевать за обрабление и угнетение других народов. У немецкого солдата нет возвышенной и благородной цели войны, которая могла бы его вдохновлять и тем он мог бы гордиться. И, наоборот, любой боец Красной Армии может с гордостью сказать, что он ведет войну справедливую, освободительную войну за свободу и независимость своего Отечества. У Красной Армии есть своя благородная и возвышенная цель войны, вдохновляющая ее на подвиги. Этим собственно и объясняется, что отечественная война рождает у нас тысячи героев и героинь, готовых идти на смерть ради свободы своей родины.

В этом сила Красной Армии.

В этом же слабость немецко-фашистской армии.

Многие сотни юношей и девушек пошли в дремучие леса, в партизанские отряды, чтобы помочь Красной Армии бить ненавистных фашистов. Больше десяти тысяч комсомольцев ведут партизанскую борьбу с германскими оккупантами на территории Украины, около четырех тысяч влились в партизанские отряды Белоруссии.

Иван Середя (слева) в одном из боев подорвал связкой гранат тяжелый танк противника. Вскочив на броне танка, подвиг стоял пулемета и захватил в плен экипаж танка. Спасая жизнь командира, Середя уничтожил 14 немцев и взял в плен 6 офицеров. 200 фашистов уничтожил Иван Середя за время боя.

Отважному красноармейцу присвоено звание Героя Советского Союза и звание младшего лейтенанта.

НА СНИМКЕ: представитель командования вручает герою орден Ленина и медаль «Золотая звезда».

Ленинско-сталинский комсомол, все советская молодежь горды тем, что среди храбрейших из храбрых много комсомольцев, молодых патриотов. Герой Советского Союза партизан Чекалин — комсомолец. Награждены правительственной комсомольцы-партизаны Анна Шубеко, Дмитрий, Метцгер, Вауловский и многие другие.

Кто не слышал о знаменитой партизанке секретаре пеновского райкома комсомола Лизе Чайкиной? Ее предала кулачка Круглова, подкуленная фашистами. Лиза попала в руки немцев. Ее зверски мучили, пытали, требовали, чтобы она выдала товарищей. Она молчала. Ее казнили. Последние ее слова были: «Смерть немецким оккупантам! Да здравствует мой родной Сталин!»

Вечно будут жить в нашей памяти имена великих комсомольцев, героя Волоколамска. Из поколений в поколения будут переходить песни и сказания о бесстрашной патриотке «Тане», овеянной немцами в Пешеве.

Эти люди шли на смерть за родину. Они умирали за нашу победу. Их не забудет отчина.

А если молодой человек работает на заводе, в колхозе, — значит ли это, что он стоит в стороне от войны, что он вне рядов Красной Армии?

Нет! В наше время тыл — тот же фронт. И молодежь в тылу помогает фронту. Сколько творческой инициативы, сколько любви

С первых дней войны пошла сражаться с гитлеровскими ордами отважный сын туркменского народа комсомолец младший сержант Курбан Дурды.

Фашисты любой ценой стремились удержать высоту И, прикрывая подступы неустойчивой осы. Трижды вошел в атаку свое отделение Курбан Дурды. Семь ранений получила храбрый сержант, но, преодолев боль, он поднимался с земли и вновь бросался в атаку. Обнажившись кровью, Курбан Дурды шел вперед и вперед. С ним шли бойцы. Не выдержав стремительного натиска бойцов, враг откатился назад.

Так младший сержант Курбан Дурды стал Героем Советского Союза.

вкладывает молодежь в свою работу для фронта! Молодежь широко развилась по всей стране движение двухсотников и трехсотников — детище комсомола. По призыву комсомола на производство пошли сотни тысяч девушек, бывших служащих, домашних хозяек, учащихся. Трудно подсчитать, сколько дали стране такие ценные начинания комсомола, как двухнедельники и месячники рационализаторских предложений, комсомольско-молодежные воскресники, призывные асенародный характер, и кампании по сбору теплых вещей для бойцов.

Незадолго до 24-й годовщины Красной Армии комсомольцы и молодежь Автозавода имени Сталина обратились к молодежи Советского Союза с призывом готовить производственные подarki в честь наступающего юбилея. Призыв автозаводцев буквально всколыхнул страну.

Слово комсомольца — твердое слово. И молодежь честно выполнила свои обязательства. Завьянчики соревнования, автозаводцы, изготовили сверх плана комплект специального оружия для нескольких дивизий. Комсомольцы одного из московских заводов передали Красной Армии аэростаты и отремонтировали вскарюлю бомбардировщиков. На другом московском заводе молодежь сделала в неурочное время пятнадцать теплушек. В Ярославле группа слесарей бригады комсомольца Вавилова обязалась, выполнить двеную норму на 300%. Свое обязательство группа переполнила в полтора раза. Молодой горняк Кафанских медных рудников в Армении Арам Арутюнян ответил на призыв автозаводцев тем, что дал за смену тысячу двадцать тонн медной руды, выполнив смежное задание на 4020%.

Не отстают от молодежи промышленность и сельская молодежь. Комсомольцы Вологодской области приготовили к отправке в Красную Армию десять тонн сушеных овощей и картофеля, пять тысяч пар теплых носков, пять тысяч пар шерстяных перчаток-варежек и другие подарки. Колхозная молодежь Пензенской области отправляла на фронт три тысячи пар валенок, две тысячи пар варежек, откорюмьла для бойцов полторы тысячи свиней, телят и овец.

Заботливые хозяйки, комсомольцы и молодежь Иловидской МТС, Сталинградской области, решили: нужно собрать старые запасные части — детали к тракторам и сельхозмашинам и своими силами, не загружая предприятия, отремонтировать тракторный парк. Им удалось из старых, заброшенных запасных частей и металлического лома провести ремонт всех тракторов МТС. Почин иловидцев превратился в дело огромного государственного значения.

Как реки в половодье, выступили на берего и растекаясь по необъятной нашей стране большие и малые начинания комсомольцев, пронизанные великой заботой о Красной Армии.

Наша школьница тоже деятельно помогают фронту. В глубоким тылу шовнеры в школьница шьют: из колхоза, чтобы помочь образно провести сельскохозяйственные работы. Ребята помоложе нашли прекрасное поле деятельности, получившее название тимуровского движения. У нас насчитывается уже сотни тысяч тимуровцев, этих юных патриотов, искренней, детской лаской и за-

Командование поставило перед летчиком Павлом Кашубой нелегкую задачу: он должен был перелететь на территорию, занятую врагом, найти попавшую в окружение воинскую часть, указать ей путь выхода, посадить на свой самолет раненого командира и вывезти его в тыл.

Старший лейтенант Павел Кашуба точно и в срок выполнил важное боевое задание.

За героизм, доблесть и мужество Президиум Верховного Совета СССР присвоил летчику Кашубе звание Героя Советского Союза.

ботой облегчающих жизнь семей красноармейцев.

В кубышевской железнодорожной средней школе № 20, например, тимуровская организация насчитывает уже сто человек. Ежедневно ребята обходят свои участки, навещают семьи красноармейцев, убирают квартиры, приносят воду, нянчат детей.

Наш народ — могучий воин и неутомимый работник. Волей, трудом, энергией миллионов патриотов рождается несокрушимая мощь Красной Армии и Военно-Морского Флота. Мы ведем «не захватническую, не империалистическую войну, а войну отечественную, освободительную, справедливую», — говорит товарищ Сталин. — Задача Красной Армии состоит в том, чтобы освободить от немецких захватчиков нашу советскую территорию, освободить от гнета немецких захватчиков граждан наших лес и городов, которые были свободны и жила по-человечески до войны, а теперь угнетены и страдают от грабежей, разорения и голода, освободить, наконец, наших женщин от того позора и поругания, которым подвергают их немецко-фашистские изверги. Что может быть благороднее и возвышеннее такой задачи?»

Под руководством товарища Сталина Красная Армия уничтожит врагосна на нашу землю немецко-фашистские полчища и навсегда освободит человечество от проклятой коричневой чумы.

ТИМУР СЫН ФРУНЗЕ

Мальчику не было и трех лет, когда умер его отец — Михаил Васильевич Фрунзе. Первое время ребенок тосковал лишь о его теплой руке, о ласковом голосе, о любящем взгляде. Только потом, став постарше, мальчик узнал, что он сын легендарного героя и владетеля Красной Армии.

Часто маленького сыночку сажал к себе на колени Ворошилов. Долго и грустно глядя, Климент Ефремович его золотистые волосы, вспоминая любимого друга.

Старые шуйские рабочие, приезжавшие проводить семью своего товарища Арсения, рассказывали мальчику, как его бесстрашный отец отдал всего себя борьбе за рабочее дело, как выдержал его поединок с самодержавием и, дважды приговоренный к смерти, не дрогнул перед царскими палачами. И товарищ Ворошилов много раз вслух признавался, как Михаил Фрунзе волею в рукопашный бой ввязывался так же, как в жестокие и страшные бои подбодраля чапаевских отрядов, как штурмовал Перекоп.

Впечатлительный мальчик в детских снах видел своего отца, покинувшего его так рано, в своих мечтах шел с ним в пустыни и плещу среди красноармейских степей под Уфой, скакал стремя в стремя на верном коне под Перекопом.

У мальчика было воинственное имя — Тимур — в память о солдате Средней Азии, где прожил свои детские и юношеские годы и где потом побеждал его великий отец.

Тимур Михайлович Фрунзе — так и записала его при поступлении в летную школу Комсомолец Фрунзе — талантливый, дисциплинированный и исполнительный, выделялся среди курсантов. Как же иначе: сын одного из создателей Красной Армии, воспитанник Ворошилова, он с детства впитал в себя духе воинские традиции.

В разгар великой отечественной войны молодой Фрунзе являлся на Северозападном фронте. Вначале ему, как молодому летчику, доверили только воздушную вахту над своим аэродромом, но посылали в бой. Провиняться, подполковник — командир этой части — невольно оберегал сына Фрунзе. Это не укрывало от молодого воина.

Пропу посылайте меня в бой, как всекого редкого летчика, — сказал он командиру, — не аставайтесь меня краснеть перед памятью отца.

Молодой Фрунзе являлся в бой. Каждая минута, проведенная на земле, казалась ему потерянной. Особенно он скучал, когда стала менять погода его самолета. Тимур не находил себе места, ждал, что началось наступление, что его друзья, не шали своей кровью и своей жизнью, грудью прикрывают наступающие войска.

Он же уходил из-под белого брежента, под которым воинственно ставили мотор, торжаша их, похотая. А вернувшись в обсервацию, не мог заснуть и, чтобы успокоиться, ставил свою любимую пластинку с песней про ордына.

В эти дни товарищи и прозвали его Ордыном.

Наконец вместе с опытными, обстрелянными летчиками он вылетел на поле боя. Он искал встречи с врагом. В необитаемом небесном океане издалека неизменно дорба без перекрестков. Молодому летчику пилить может показаться самолетом и самолет — пилить. Как часто он хочет видеть все — и лично не видит! Нужно еще obligаться, чтобы стать воздушным бойцом. Тимур Фрунзе показывал себе зрелище бойцов уже в первых полетах.

Ождежды он вместе с летчиком Шутковым выполнял боевое задание. Едва летчики взошли вверх, как увидели вражескую машину. Увертываясь от зениток, самолет коррек-

Герой Советского Союза Тимур Фрунзе.

тировщик «Хеншель-126» вызвал обуревающуюся волну советского пехоты смертоносной огнью фашистской артиллерии.

Сильнее заболело воинственное сердце Ордына. Сдержанная великий пилот, стараясь быть расчетливой и хладнокровной, он атаковал бронированный армейский самолет по всем правилам искусства, как опытный боец.

К общему восторгу посетивших и артиллеристов, «Хеншель-126» был отбит на землю. Прилетел в ордыно гнездо истребителей, Тимур стараясь быть равнодушным, а сам не мог сдержать радостной улыбки. Товарищи поздравляли его. Он смущался и отвечал:

— Ну, ведь это не истребитель, всего только «каракатипа»!

Но летчик знал, что «каракатипа» — это самая каверзная машина, что летчик, нападающий на нее, должен обладать высокой маневренностью, хорошо знать приемы высшего пилотажа.

В первой же встрече с врагом лейтенант Фрунзе показал себе талантливым воздушным бойцом. Командование стало посылать его во все большие операции.

Наступление развивалось. Фашистские войки атакуют и воткнулись цепью за русскую землю. Бойцы шли сквозь пуру и снега, откапывались от сна и теплого крова, лишь бы гнуть вперед и уничтожить проклятого фашистского зверя.

Стремясь сделать наступательный поворот своих армий, фашисты бросили в бой свою авиацию. «Юнкерсы», «Хейнкель», «Мессершмитты» — вся черная свора собралась в небе, чтобы остановить неудержимую русскую войска.

В эти дни вместе с товарищами богатырями дрался молодой Фрунзе. Встретившись с противником, имевшим превосходство в числе, он сбил еще один фашистский самолет. Многие — черных, желтых и коричневых, с безобразными знаками на хвосте и крыльях — уже лежали на аннексированном снегом долине Валадской возвышенности!

Но на смену сбитым фашистским стертванникам в бой вступали новые силы. Грозные мощные пуленепробиваемые все наше сердце алкало и сверкала в хмуром зимнем небе.

«Обить фашистскую авиацию! Не дать ей бомбардировать наши войска!» — с этим девизом вылетали по плану, по шесту три в день в жестокие воздушные бои наши летчики, а с ними — сын Фрунзе.

Сегодня он вылетел опять вместе с лейтенантом Шутковым. Тесной парой они дружно проносились над наступающими войсками. Чтобы сорвать атаку наших выскочек на крупный узел сопротивления, немцы выслали своих истребителей.

Лейтенант Фрунзе был уже опытным воздушным бойцом и научился видеть сразу и небо и землю. Он видел, как по белому свету перекатывались белые тени наших бойцов, как падали один, но продолжали идти вперед другие. Вот море. Вот мост. Бойцы уже бегут за мостом. Решительная минута. В такую вот минуту под Уфой повисла в атакующая цепь его отец — Михаил Фрунзе, — лично немцы бойцов в рукопашный и уничтожил своей рукой двух врагов... Командиры уговаривали его не рисковать собой, но он отвечал:

— Так ужую, я буду здесь.

Лейтенант Тимур Фрунзе взглянул вниз и увидел замешательство в рядах бойцов. В разгар атаки они стали ложиться. Со стороны лодина неслись на них хищные «Мессершмитты».

— Выше! — крикнул летчик, как крикнул бы в такую минуту его отец Михаил Фрунзе.

И, переодя этот призыв на свой летный язык, он покатил крыльями и помчался наперерез «Мессершмиттам».

Взломом с лейтенантом Шутковым они дружно удержали на летереу «Мессершмитт-109» и сразу сбили одного шара. Остальные авызли.

Бойцы, увидев короткую и победную схватку в воздухе, с криком «ура» волежали в узел сопротивления. Началась русская рукопашная. Пехота лавиной устремялась вперед.

А в небе продолжалась смертельный бой.

Три «Мессершмитт-109» выжили себе на помощь три «Мессершмитт-115», дежуривших под облаками. Обединившись, вся свора напала на двух наших истребителей. Шутков и Фрунзе плотно прижалась друг к другу, намереваясь удар за ударом. Еще один «Мессершмитт» уничтожен. Но зот получил равну и атаковал самолет Шуткова. Фрунзе один против еще вражеской шоры.

Бьются? Нет, не жую в Фрунзе. Драться, атаковать, выпадать, пока не добьются пощадить! Союзать все силы врагов, чтобы не дать им обрушиться на бойца!

И он дрался, до боли стиснув зубы.

В проклятом упорном бою, с пылающим лицом и сфокарированными глазами встретил он пощадить стертванную его смерть. В воздухе, высоко над полем боя, был убит врагами безстрашный герой Ордынок — сын Фрунзе.

Четверка наших истребителей, поднявшись в воздух, успела все же отомстить убийцам Тимура: ни один из них не ушел.

С почетом похоронили Тимура Михайловича Фрунзе на кладбище, в тени высоких берез. Прощальные залпы топили и победных авиалов наступающей Красной Армии...

С Пролетд века и не забудется имя одного из создателей Красной Армии — Михаила Васильевича Фрунзе. Вместе с ним пусть помнит наш народ безстрашного героя отечественной войны — комсомольца Тимура Фрунзе.

Его короткая жизнь блеснула ярко и благородно, как молния, как стальная, победная клинок его отца.

В НОЧНОМ ПОЛЕТЕ

В ночной мгле режут моторы невидимого самолета. Бешено вертятся пропеллеры, взмывает на миг освещает складки полотка, и перед глазами возникает необычная картина.

— Жаркое утро на Тбилисском аэродроме. Вязи сияет гора Давида. В знойном воздухе висит самолеты. На веранде аэровокзала появляется начальник воздушного управления Аэрофлота Чанколате — кракшастый мужчина, похожий на капитана дальнего плавания. Он в ослепительно белом кителе, на рукаве белит золотые шпандеры. Парадный и праздничный вид имеют экипаж, клубки цветов в нарядные пассажиры.

Ровно в восемь утра снимается в далекий путь серебристый «Дуглас» линии Тбилиси—Москва. Воздушный корабль проплывает над широким Сукуми, пролетает над берегом Черного моря, перелетит Кавказский хребет, удаляясь от скрытого в тумане Казбека, пересечет Донбасс, минуте Ростов, Харьков, а в шесть часов вечера опустится в Москве.

За пять минут до вылета Чанколате подходит к самолету. Он пожимает руку молодому летчику Куркянчину. Пилот вытаскивается, приветствует авиальника и идет к самолету Горючего летер, подбитый пропеллером, вздымает тучи сухой желтой пыли.

— Ледяной ветер захватывает дыхание. Луч фонаря снова освещает огромный самолет и выстроившийся у крыла экипаж. В черном кожаном реглане, в меховых унтах, красной расквашенной шапке Чанколате, улыбаясь; рядом с ним в поларном комбинезоне, который делает летчиков похожими на медведей, — наш старый знакомый — пилот Куркянчин. По направлению к Чанколате, по спешно-рожно и медленно ползут по земле. Луч одного прожектора начинает дергаться из стороны в сторону, расширяется веером. Увидели нас или нет? Луч вытягивается в ослепительную стрелу и вдруг замирает на месте.

Танцевательно и глупо гуляют моторы. Самолет быстро уходит от города. Луч прожектора безжалостно падает на снег, а второй прожектор все еще ищет нас где-то на востоке, а мы летим на запад, на Украину.

В свете прожектора блеснул слугуист истребителя. Погоня. Напряженные потяпки! Сейчас уже за нами не угнаться, но, если угодно, стрелок Угадзе готов уступить в дух своего полета.

Город Н. исчезает по тьме, и наш самолет как крылатый прирак уже летит над селами Украины. В снежной степи едут вереницы немецких автомобилей с полным светом фар. Гри нашим приближением фары эволюционно гаснут.

Украина проливается под крыльями самолета, и тяжелое чувство охватывает людей, которые в эти минуты проносятся над закабаленными городами и селами братской республики. Но субъекты на землю с трагическим украинским полетом растоптены степи.

— В раскритые окна летит сотня гает. Как птицы, они разлетаются над селениями. С расветом тысячи людей будут находить белые листья и раздвигать им, как сказочному кладу. Весть о наступлении Красной Армии разнесется по всей Украине, и миллионы страдающих воспрянут духом.

Несколько часов уже продолжается наш полет, и немцы в захваченных ими селах и городах Украины все ночь тревожно слушают гул невидимого крылатого гостя.

Старинный город на высоком обрывистом берегу реки. Летом по этой быстрой реке льются пароходы, и пассажиры с восхищением смотрят на бесконечные ряды из лесов и еловых деревьев, протянувшиеся вдоль

Строком, неподвижно застыл у племета. Внезапно оживает, поворачивается к нам и сообщает:

— Пролетает линия фронта... Далеко позади вспыхивают огни: там илет жестокой бой, — а под крылом самолета уже проносится земля, захваченная немецкими оккупантами. Скоро должен показаться большой город H.

Железная дорога строгой, ровной линией тянется среди насыпи на рельсах на много километров занесенным снегом. Под откосами разбитые вагоны, мрачно чернеют взорванные, провалившиеся мосты.

Спустя несколько минут мы пролетаем над городом H. Руины сожженных зданий смутно вырисовываются на фоне звездного неба. Над домами без крыши возвышается полуразрушенная, покосившаяся колокольня церкви. Самолет летит на небольшой высоте. Ясно различаю ушами и площадя. Интересно: кто выстуывает, кто переживает немецкие патрули, прислушивается к гулу самолета? Узнают ли они, что над ними советский воздушный корабль? Не проходит минуты, и мы убеждаемся, что немцы слышат нас и знают... Голубой луг прожектора тонкой шапкой расстилается по земле и устремляется ввысь. Настороженно и выжидательно забегает все выше и выше. Вот он совсем уже близко от нас... Неужели немцы увидят самолет?

Жулье, зловонное чувство заставляет забыть об опасности. Внизу сейчас светятся, переливаются фари. Наружен их тон, и они принуждают искать в небе таинственный самолет. Луч падает и опять быстро возвращается кверху. Над городом загорается второй прожектор, луча, налившись светом, ослепительно и медленно ползут по земле. Луч одного прожектора начинает дергаться из стороны в сторону, расширяется веером. Увидели нас или нет? Луч вытягивается в ослепительную стрелу и вдруг замирает на месте.

Танцевательно и глупо гуляют моторы. Самолет быстро уходит от города. Луч прожектора безжалостно падает на снег, а второй прожектор все еще ищет нас где-то на востоке, а мы летим на запад, на Украину.

В свете прожектора блеснул слугуист истребителя. Погоня. Напряженные потяпки! Сейчас уже за нами не угнаться, но, если угодно, стрелок Угадзе готов уступить в дух своего полета.

Город Н. исчезает по тьме, и наш самолет как крылатый прирак уже летит над селами Украины. В снежной степи едут вереницы немецких автомобилей с полным светом фар. Гри нашим приближением фары эволюционно гаснут.

Украина проливается под крыльями самолета, и тяжелое чувство охватывает людей, которые в эти минуты проносятся над закабаленными городами и селами братской республики. Но субъекты на землю с трагическим украинским полетом растоптены степи.

— В раскритые окна летит сотня гает. Как птицы, они разлетаются над селениями. С расветом тысячи людей будут находить белые листья и раздвигать им, как сказочному кладу. Весть о наступлении Красной Армии разнесется по всей Украине, и миллионы страдающих воспрянут духом.

Несколько часов уже продолжается наш полет, и немцы в захваченных ими селах и городах Украины все ночь тревожно слушают гул невидимого крылатого гостя.

Старинный город на высоком обрывистом берегу реки. Летом по этой быстрой реке льются пароходы, и пассажиры с восхищением смотрят на бесконечные ряды из лесов и еловых деревьев, протянувшиеся вдоль

берегов. Вот здесь, на горе, возвышаются старинный замок... Бомбардировщики углубили разрушили город. На тротуарах угля лежали обуглившиеся трупы детей. По димнам плавающим бегали обездвиженные от ужаса, потерявшие рассудок женщины. Трагедия города никогда не забудется. Пусть же гул нашего самолета возвестит час близкой расправы с ненавистным врагом!

В ночном полете все кажется таинственным и загадочным. Раскрывается дверь пилотской кабины, и на секунду освещается внутренность самолета, покажет на трюм корабля. У стен лежат большие тюки, туча переложенные ремнями, но какой груз несет самолет, — тайна, хотя понятно, что это не лекарства и не газеты.

По моему замечанию, что мы скоро прибудем к месту назначения. Как тени, проходя по самолету люди из экипажа, осторожными движениями они передают груз к дверям. Три человека с трудом приподнимают массивный тюк. Медленно свет карманного фонаря, и только сейчас мы неожиданно обнаруживаем, что, кроме экипажа, в самолете есть еще какие-то загадочные люди. Они сидят возле стана на сложенных парашютах. Кто они, эти таинственные парашютисты? Этого никому знать нельзя: это тайна.

Самолет снижается, летит медленнее, делая круг, но где мы сейчас находимся, — это тоже тайна.

К концу подползает радист Бедко. Он напряжено смотрит на землю, на лес. Густой туман внезапно скрывает лесную чащу. Самолет опускается еще ниже и переходит на бродячий полет. Туман густеет, и земля проясняется по мгле. В тумане вспыхивают неясные, тусклые огни. Чего-то, уследивший сигнал или приманка животного врага?

— Ловушка! — кричит радист.

И самолет продолжает путь на запад. Не отрываясь от окна, радист смотрит вниз и чего-то ожидает. Но самолет начинает обледеневать. Скорей, как можно скорей нужно набрать высоту. Минута промедления грозит бедой. А Куркянчин все продолжает снижаться. Уже у самой земли кружит самолет.

Радист все высматривает. И вдруг в тумане...

Мы просим читателя извинить нас, но то что проношено в тумане, мы можем рассказать только после окончания войны.

На ночной рейс в глубокий тыл противника заканчивается. Самолет летит обратно, и сияет под звездами показывается город H. С северной стороны быстрой Куркянчина пролетает над самим центром города. На окраине сверкают огненные линии пулеметных очередей. В ослепительном реве моторов выстрелов не слышно, и только мгновенные вспышки огня на земле показывают, как несутся вперед немцы. Вскоре мы летим уже в отсчетах оружейных залпов и пересекаем линию фронта.

Светает. На востоке сияют прозрачная малиновая полоса. Встает огромное багровое солнце и все степь заливает полыхающим, красным светом. Внутрь самолета все окрашивается в красное: лица людей, руки, меховые унты и даже морозный пар изо рта. Вот уже и аэродром. Ночной самолет опускается на землю.

Полет закончен. Право, жаль покидать воздушный корабль, в котором мы совершили захватывающий полет. Но как отстранить, что сейчас, в эти минуты, на Украине при первых лучах солнца люди находят в снегах носки дари крылатого посланца Советской страны! Вблизи, близок час расправы!

Вот во что превратили фашисты красивый город Калинин...

Ю. НЕЙМАН

КАЛИНИНЦЫ

1. Город

Две девушки шли по улицам родного города, захваченного врагом.

Город был неузнаваем. Тротуары были усыпаны осколками кирпича, кусками штукатурки. Стены домов разворочены, разможены. Точно огромное чудовище проползло по городу, железным брюхом раздвинуло дома и заглохло развалины сарадинам дышанием.

Девушки спешили. Командир отряда, направляя девушек в немецкий тыл, дал адрес комсомольца, оставшегося в Калинин. Нужно было как можно скорее добраться до Кости Елисеева.

Город был страшен. Трамвай стояли на перекрестках. Со столбов свисали оборванные провода. Между двумя крайними столбами провод утесел; на нем в дымном небе болтался повешенный. На груди мертвеца болтались надписи — крупные буквы на оторванном переплете книги: «Я партизан».

Люба и Шура, так звали комсомолок, прошли мимо не останавливаясь. На Почтовой площади они все же замедлили шаг: так показала их уродливая чернота развалин. Площадь была пуста.

Милый, родной город; во что они превратили его!

По Советской девушки дошли до площади Ленина.

Памятник еще стоял, но вокруг статуи появились германские солдаты, которых увидели девушки. Зеленые фигуры казались очень маленькими по сравнению с высокой статуей. Один из солдат подставлял к памятнику лест-

ницу, другой хлопотливо тащил веревку, третий присеивался из револьвера. Точно они привыкли, соблажались и не могли решиться, как оскорбительнее расправиться с тем, кто стоял на pedestalе.

Чувствования, не памятник уничтожали на площади: с дикой ненавистью поправлялся здесь душа города, уничтожалась святая страна.

У Любы сжалось сердце. Выхватить бы револьвер у этого кунего да разрыть, обойму прямо в его нагаую морду! Отрывок немецкой речи донесся до слуха девушек. Непонятной, жуткой показалась им чужая самоуверенная речь. Люба взяла Шуру под руку. Так, вдвоем, они спустились вниз мимо дымившихся развалин. навстречу попала женщина с ведрами. Они попросили воды.

— Пейте, девочка, — женщина говорила тихо и все время озиралась по сторонам. — Пейте, да только поскорей. Не то загрызут. Им несую, оканьяны.

— На квартире стоит?

— Стоит. Шестеро. С утра орут: «Матка, воле!» Носить им с Волги: водопровод-то разбит. Рассказывали раньше — не верила. Думала, немцы — тоже люди. Да разве ж люди — эти животные? Рассядутся вшей искать, раздуются при тебе голяком, смотри на них, точно ты и не женщина, а вроде мезбиди. Детей не родит. Ночью заплачет ребенок — затылке ему рот. Тоги и гляди, ударят о шею кулаком. Разве ж это люди?

Домик, где жила Елисеева, сохранился. Только стекла были побиты. Девушки постучали. Им долго никто не отворил. Наконец в щелку просунулась голова девочки.

— Нету здесь такого, — сказала девочка, — не живет у нас.

Дверь захлопнулась. Девушки растерянно поглядели друг на друга.

— Куда ж идти, Люба?

Люба подумала.

— Знаешь, к Марии Ивановне пойдем, к уборнице. Она как будто осталась в городе. Она бабка сланная. Домой идти никак нельзя.

2. Кто были девушки

Люба рано привыкла полностью отвечать за свои поступки. Семилетка была в соседнем селе, и Люба от матери переехала туда, к дальним родственникам, людям, мало ее замечавшим. Когда Люба перешла в старший класс, ей назначили стипендию. Так она стала совсем самостоятельной.

Подруги ее уважали, немного бобавлялись ее серьезности. О себе она не любила говорить, и сложилось так, что к ней шли, как к старшей, не ожидая ответных признаний. Предполауживалось, что ей это ни к чему. А она чувствовала себя иногда одинокой.

С Шурой они познакомились в калининском обкоме комсомола. Их потавуло друг к другу. Люба впервые почувствовала себя в дружбе равной и поняла, что впервые встретила друга.

О многом говорили они длинными вечерами. Шура была мечтательницей, Люба умела наблюдать. Больше всего их занимало будущее. Перед обеими девушками стояла жизнь — сложная и уж, наверно, замечательная.

Так их застала война.

«Что ты можешь сделать?» — спросила каждого родина. И обе девушки-комсомолки, как миллионы других наших юношей и девушек, ответили, взирая на каждую: «Отдать все, а жизни потребуются — и жизнь!»

Вдвоем они ходили на курсы сестер-дружжинок. Шуре трудно давалась латынь, а Любу втайне беспокоило то, что у нее неслыханно душит и она может равноромо привнать боль. Такие же опасна была у многих девушек, некоторые даже ушли с курсов. Но Любу и Шуре остались до конца и непременно сдали бы отгачно экзамены, если бы не это тяжкое несчастье.

Враг подступил к их родному городу. Красная Армия вынуждена была временно отойти. Население спешно покидало город Калинин.

Девушки решились далеко не уходить. Пришла пора сделать слово, данное родине!

Вместе с группой комсомолов девушки остались в ближайшем лесу. Их отрядом командовал Алексей Баскаков.

На третий день, вечером, Баскаков собрал партизан. Он сказал, что нужно кому-то вернуться в город Калинин, к немцам, — определить местонахождение огневых точек и погорюхот с жителями. Лучше, пожалуй, чтобы пошла девушка. Едва он спросил: «Есть ли желающие?» — Шура сказала: «Я». Люба чуть-чуть помедлила («Справлюсь ли?») и тоже сказала: «Я». Раздалась еще тишина, но командир остановился на двух первых вызвавшихся.

Он поговорил с Любой и Шурой и посоветовал, как лучше себя вести, но что в городе обращаться вниманием. Рассказав, что они невинны и едалье свои и они, конечно, не бездействуют. Назвал комсомолов Нефедова и Костю Елисеева. Костя должен им помочь в передаче сведений.

Ушли из леса, девушкам с минуты постоили. За рекой, над дальним городом, клубилось зарево. Сзади все было мирно: лес спускался в ложбину, чернея вдали деревни.

Все было свое, русское, пожалуй, еще более родно, чем раньше. Так и бывает с людьми чуждыми: после пережитых испытаний с особой силой проступают в нем национальные черты.

3. В первый раз

Бюбка Марья Ивановна, у которой девушки решили остановиться, открыла им дверь, перепуганная насмерть. Увидев девушек, она несколько успокоилась:

— Я-то думала, опять их несет... А это вы — отсюда отсюда. Откуда, голубушки? Девушки сказали, что им не удалось уехать из Калининна. Вышла, мол, из города, побродила по деревням и вернулась: «Как-нибудь проживем...»

— Ох, вы мне вы мои! И зачем это вы пришли? Лучше в поле замерзнуть, чем здесь, с ними.

Она долго еще причитала, вдыхая и выдыхая. Потом забеспокоилась: верно, они голодные.

— И что мне дать вам, миленькие? Все у меня опустынено. Самоваром — и тем не побрезована. Осталось вот в подолке чуть мерзлой кашки. Сейчас свари.

Вода бурчала в котелке, и картофель все можно было проткнуть вилкой, когда дверь затрещала от ударов. Оттолкнув бабуку, в комнату вошел догвоженный офицер. Лицо у него было тощее, горбоносое. «Привет из «Крокодила», — шепнула Шура Любе, но не улыбаясь. Журнальным шагом офицер прошел на кухню, осмотрел стальные полки и стоя. Открыл шкаф, подошел к печке. Людей он не замечал, точно в кухне не было никого. Сел к огню, пригнул котелок. Вокругу лесные ноги в карточку, откусил. Обращаясь в воздух, крикнула: «Salz! Schnell!» Никто не шелохнулся.

Он схватился за кобурку.

— Чего это он? — растерянно прошептала бабука.

— Соль приност.

Бабука принесла соль в тряпочке. Догвоженный взял щепот и отмырнул остальное. Соль попала старухе в лицо.

Двое картофеля, офицер вышел, все так же глядя перед собой, будто комната была пуста.

Смешно? Нет, смеяться не хотелось.

И позиде, когда Любе и Шуре случалось видеть чудовищные сцены или слышать рассказы очевидцев, поседенных от ужаса при виде фашистских зверств, они вспоминали только свое лицо — нагальное воплощение того, что эти выродки называли своей «системой».

4. Нефедов

Комсомолем Нефедов, о котором командир отряда говорил девушкам, наблюдал эту «систему» с первых дней прихода немцев. С болью и гневом видел он, как захватчики пытаются в рабов превратить людей, свободных еще вчера.

Город немелся на глазах. Прохожие кутались в какие-то отренья. У бойни стояли бледные женщины в очереди у колодезю, по которому стекала кровь. Немцы резали скот, и озабные, голодные люди вылаживали кусочки тубеуки, изредка попадавшей в сток.

И возле мельницы тоже толпились женщины. Здесь иногда давали работу, немецкие солдаты разговаривали ожидающих прикладывая. В этом не было никакого смысла. Это было все то же стремление — унижить.

Работа... Нефедов слышал по эту работу. Пригородные колхозники рассказывали, как их впригали в телеги вместо лошадей. А то еще — это было, пожалуй, унижительнее всего — их заставляли перекачивать солому из одного сарая в другой, просто так — без смысла.

Однажды на Инструкторской улице Нефедов встретил знакомых ребят — Виктора Пылаева и Хлодова. Они обрательлись друг другу. Поговорили, стоя у ворот дома. Миню ворот; шаптал, промывая для пальных обфитора. Комсомолед Хлодов посмотрел на ислед, задыхался от лобыз:

— Сволочи! Что ж, так и будем на них любоваться? Сидеть сложа руки?

Ребята ждали вместе, на одной квартире. Нефедов занял с ним вечером. Да, пожалуй, это была подходящая парня. С ними можно было начинать.

Оказалось, у них есть еще один надежный друг — Борис Полев. В день прихода немцев Борис ушел из дому, надеясь пристать к партизанскому отряду. Но ему не удалось вырваться из города. Горячая голова, смельчак, Борис Полев первым предложил добыть у финцев оружие.

Нефедов решил, что это будет лучшей проверкой, и согласился. Свою вылазку ребята должны были провести одним, без него.

На этом друзья расстались.

5. Шура и Люба

Задание нужно было выполнять как можно скорее. Немного отдохнув у бабуки, Шура и Люба отправлялись в город. Они гуляли с безразличными лицами по улицам. Так прошли они в район, откуда немские власти выселили всех жителей. Теперь их краснота была исчезла. С кошачьей осторожностью крались они вдоль заборов. Здесь было много немецких солдат и орудий. Девушки смотрели, запоминая, где стоят орудия.

Они тщательно обследовали город. На аэродроме было много немецких самолетов. Неподаром тоже представляла интерес: там стояли пехота и танки.

К вечеру девушки вернулись домой. У бабуки был гость — племянник Коля. Мария Ивановна рассказывала: «Думала, неужели пареню, убил, проклятые. А он вот вернулся».

Оказалось, что Коля провел несколько дней в немецкой коммундуре. Он рассказывал страшные вещи. На его глазах погибла девушка с черными косичками, совсем молоденькая. Пальцы вымерзали ей руки и ноги, медленно умирала она на грязном полу. Коля не знал ее имени. Может быть, она тоже была партизанкой.

Коде удалось выбраться из коммундур, он привнесся дурачком. На самом деле это была живая, сметливая мальчуган. Он был знаком со многими калининскими комсомолками, знал Костю Елисеева.

— В деревню ушел Костя, — сказал мальчик Любе и Шуре, — здесь его заперли. Вот он и ушел из Калининна.

Девушки задумались: Костя нет, — значит, нужно немедленно возвратиться в отряд и самим передать сведения. Но сегодня идти было поздно, у заставы их непременно задержат. Приходилось ночевать в городе. Девушкам не хотелось бездействовать. Их так и подмывало показать обитателям мерзавцам, что не все боится их.

Гуаяю по городу, они с отвращением читали высиде на перекрестках наглые «ображения к населению». Палачи и мародеры смеялись величать себя «обитателями!» Девушки решили сорвать «ображения».

Ночь они провели, пригнсь в разваленном здании, стоящем неподалеку от площади.

Когда все в городе затихло, они тихонько скользнули вдоль стены.

Перекресток. На заборе «ображения» на двух языках. Палакат с немецким текстом девушки решили оставить: «Все равно его никто не читает. Но то, что написано по-русски, Люба содрала и сузила в карман пальто».

Фото Н. Соловьева

Народные мстители подстерегают фашистского зверя.

Все холодно становилось, а близился рассвет. Нужно было спать. На пути к последнему объявлению — это было около химической школы — Люба замечала, ударившись в темноте о какой-то предмет. Вдруг тишину пронесла ружейный выстрел, за ним еще несколько. Топот шагов, люди... Задымилась, Люба догнала Шуру, схватив за руку, вступила в ближайший подвал. Мимо них, топоча, пробежало несколько человек. Слышались крики. Девушкам показалось, немцы кричат:

— Партизаны, партизаны!

В подвале они простились, должно быть, около часа. На улице все стихло. Девушки выглянули. Задворками добрались до дому.

Бабка рассказала со слов соседей, что ночью неизвестные обстреляли химшколу, где стояла немецкая часть.

«В тот же день ребята принесли Нефедову два автомата и много патронов.

— Первого часового финкой снайп, а второго — уже из его собственного немецкого оружия, — сказал Хохлов. — Обновили!

6. Праздник

Острые химшколы оказались первым в ряду происшествий, крайне неприятных для окружающих хозяев города Калинин. Через несколько дней после первого налета партизаны на перекрестке снова был найден труп немецкого солдата. Затем еще два. А через неделю во дворе казармы с грохотом вылетела в воздух полковая кухня.

Кухни стали «специальностью» Бориса Полева. Он умел удивительно удачно выбрать минуту, когда никого нет и можно ловко всунуть зарытую «машину» между поленями. Три полковых кухни взорвались в самом городе, а две уехали из города в часть.

Взрывы и поджоги в городе не прекращались. Среди немцев ходили легенды о неуловимых мстителях, предлагали, что в городе обречена одна группа. А между тем в Калинин действовали не один комсомольцы из группы Нефедова: склад мотоциклов и обмундирование немецких солдат взорвали комсомолки Карасева и Мовсеева, отважно пробрывшиеся в тыл врага.

Особенно смело действовали партизаны в окрестностях города. Немецкому командованию досаждал, что на колонну автомашин напад «многочисленный отряд партизан и в результате нападения убито 27 немецких солдат, уничтожено 3 автомашины и 6 бочек горючего. Задержаны партизаны совершенно точной, но в первую акрально некоторые преувеличение. «Многочисленный отряд партизан на

самом деле состоял из девяти человек. Они командовал Алексей Баскаков. Он первый бросил бутылку в немецкую машину.

Впрочем, в этой операции принимало значительное участие еще двое. Это были Шура и Люба, разведчики, что в районе села Огаринова скопились много немецких автомашин.

«Наступил ноябрь. Близился праздник — Октябрьский праздник в замеченном фашистами городе. Неизбежно и торжественно ощущалось его приближение.

Работа собралась у Нефедова. Говорили, том, как по-настоящему встретить Октябрь,

— Мы его отпразднуем, — сказала Нефедовым встретим его как надо. Над нами городом тоже взорвется красное знамя.

Юности встали. Это было совсем не похоже на обычный каприз Октябрьского праздника. Это было торжество, и все-таки было в этом что-то прекрасное. Нефедов взглянул на Хохлова, тот показался ему в высшем ростом, чем обычно. И маленький хромой Нефедов тоже как будто вырос. Он с гордостью смотрел друг на друга, четыре советских парня, четыре товарища.

А пятого ноября, когда Нефедов взглянул на Инструкторскую к друзьям, он уже не нашел их. Квартира была разгромлена. Перепутанные соседи сообщили, что ночью у ребят был обмыск и их увезли.

7 ноября 1941 года. В Сухокове, деревне около города Калинин, этот день прошел так. Крестьяне собрали в семь утра, всею вечером четырнадцатилетний подросток. По обыкновению, устроили перепалочку: все ли на месте? Строим их повеси, как обычно, на работу.

Но работа сегодня оказалась необычной. Им дали планы и приказали копать ямы. Потом их заставили рыть в землю столбы, к столбам прибили перекладину.

Два дюжих немецких солдата подвели к виселице человека с изуродованным, распущенным лицом. В глаза человека было странно смотреть: столько в них живучей, обманчивой муки. На шею висела надпись «За непокорность».

Многие знали этого человека. Это был простой русский парень, рабочий вагонного завода Илья Мухин.

Его повесили. Вокруг, потупив головы, стояли старики, женщины, мальчишки. Среди них Калининский комсомолец Костя Евсеев; он платно скал губы, только бы не крикнуть: он не имеет права выдавать себя. Люди стояли потупив. Им приказали хоронить повешенного. Костя хотел снять с мертвого петлю, но немецкий ефрейтор оттолкнул его: веревка дол-

жна остаться. Потом ефрейтор снял с мертвеца калоши. В глубоком молчании крестьяне засыпали казенного землей.

7 ноября 1941 года. В подвале на улице Софьи Савиной, где помещались гестапо, в ужаснейшей тесноте стояли люди. Сестра не могла. Даже умирая, ты должен стоять. Хохлов не смотрел на Виктора. Все равно говорить нельзя. У этих стен, несомненно, есть уши, и нет сна говорить. Сколько может перенести человек? Сегодня его Хохлова, раздетого догола, водили по краю рва с холодной водой. Как закрошь галазу — вот он снова, этот ров... А Борис все не возвращается. Как изменился Виктор Палазов за эти два дня! «Проборись, Витя, с праздником, Витя...» Как бы узнать: вынесла ли Нефедов знамя? Нет, одному ему не под силу. Девочки — слабые помощники. Больше всего на свете хочется лечь. Стараха в правом углу сегодня не стоит. Померла, должно быть. Борис просил передать своим, чтобы уехали из города. С кем передать? Может, все-таки отпустить. При обмыске ничего не нашли. А на допросе, как бы ничего, ничего не добьются. Комсомольцы не могут молчать. Где же Борис?

В этот день Борис Полев так и не вернулся с допроса.

«Красный флаг все-таки завязал над городом. Его вывесил не Нефедов: одному это было трудно, несколько коммуляков во главе с Колей, племянником Марии Ивановны, изготовили и подняли на крыше лыжной базы праздничный красный флаг.

7. Дружба

Это случилось в середине ноября, когда Люба и Шура в шестой раз побывали в городе Калинин и возвращались в отряд, к своим. Они собрали ценные сведения о походе новых сил противника, установили, что немцы готовятся к выступлению.

В отряде с нетерпением ждали разведчик. Нужно было спешить.

Темное. Девушки шли болотами, припорошенным снегом. Пошли по мерзлой земле. Нужно было прыть в отряд как можно скорей. Может быть, немцы выступят завтра. Подруги догадывались до железнодорожной насыпи, где стояла будка. Из будки раздавался голос:

— Халыт!

Пришлось остановиться. Часовой объяснение не слышал или не хотел понимать. Дух русских «матов» повели в штаб. Толкнув Любу в спину, солдат срезал голову котомку, искромсал ее. Трапки.

— Откуда, рус?

— Девушки привычно объяснили:

— Дом стрелял. Идем к лесу. Там наши старики.

В ответ раздались немецкая ругань и перебранка с русской:

— Расстреливать вас надо, russische Schweine, чтобы не шались здесь!

Но, видимо, заниматься ими всерьез было некогда. Девушки отделились синяками. Их вытолкали из будки.

— Далеко, Шура, далеко.

Теперь девушки пошли с еще большей осторожностью, дажею огнивая подзорную будку. Артиллерийская стрельба усиливалась. Приходилось заползать в канавки, пережидать. Так дошли они до деревни.

Колхозники сбивались в одну нубу; вместе не так страшно. Лежат яновулка. В духоте плачут дети.

Всю эту ночь Люба и Шура не могли уснуть. Как же это они не добрились? При соединении, ли ли немцам их поджаривали? Чем свет вышли из деревни. Стрельба стихла. Болотце, хрустящие сучки, снежок...

«Откуда вылезли вы, этот шальной сырпад? Любу отбросило в сторону, оглушило. Мелькнуло в сознании: «Как неожиданно и легко — смерть. Никто не узнает». И вступил в унах глухой, печальный голос:

«Любушка, ты жива? А у меня, вот, ноги...»

Стало быть, живы. Люба подняла голову. Шура лежала в ветках в десятке, заспанная землей. Люба хотела встать, но рядом провисала пауя, и Люба поволола к Шуре,

Фото Н. Соловьева

Партизаны мишируют мост.

старая не поднимать голову, посмотрела шурину ногу.

Пятка вырвала, торчит белая кость. Люба помялась в котомке. Хорошо, что немцы оставили бараки, бараки, простыню и матрац. Простынка гладкая, чистенькая.

— Потери, потери, Шурочка.

Вот где пригодилась знания санитарки-дружинницы. Люба перевязала ногу, замочила матрасом, чтобы не было холодно.

— Надо дальше двигаться, но как?

— Погода, Шурочка, может, найду что-нибудь. Полежу.

Люба по снежному полю проползла с полкомбата и встала на ноги. Неважало будка. Люба подошла к ней тихоюю, заглянула: пусто, никого нет.

— Что же теперь делать? Там, позади, Шура может заметить.

Люба вернулась и связала вместе все, что нашло: ремни, пояс, тряпки. Шурину ногу сложила так, чтобы боковая нога была сверху. Надо двигаться, пока Шура еще в силе. Не успеет тебе помочь, Любушка.

Шура рскала, болкала. Маленькая Шура таверт ремня, шагая по снегу. Шура помогает ей, чем может: исплетает за кусты, подгибает ее на руках. Так движутся они по мерзлому болоту. Мороз, холодный, снежный ветер.

— Холодно, Шура?

Шура ничего не сказала. Люба сняла с себя пальто и шаль.

— Что ты делаешь, Люба! Не смеи! Сейчас же возьми обратно!

— Так тебе, Шурочка. Жарко. Верно, было жарко. Но теперь холодный ветер пронизывает ее насквозь. И так трудно двигаться.

— Оставь меня, Люба, иди одна.

Любу шатает. Молча она илет вперед. Губы синие. Ветер развевает волосы.

— Ты не останься! Ты бери с собой мешок. — Еще немного осталось терпеть. Наверно, а следующей деревне найи.

— Наконеч деревни. И на первом же шагу видит Люба, что устали beide напарники. В деревне немцы. Отчаяние схватило ее. Ноги подкосились. Семь километров назад, налезаю, что встретят, помогут. А вокруг злые, вражеские лица.

Косачка добралась до крайней избы. Наступил асфальт.

— Что это? Что с девушкой-то?

Люба рассказывает первое, что приходит в голову. Жила в будке. Попаала бомба, ранено сестру.

— Поидем ко мне, девушка, и мне лучше будет. Десятка два их ко мне шало. Шныреть из угла в угол. Все оборался. Боюсь их досмерти. Поидем ко мне.

Косачка ввела Шуру, подложил ей на кровать. Верно, в доме человек двадцать немцев. Беспокойными глазами облеба их Люба.

Шура застонала:

— Воды.

— Нет воды. Терпи, Шурочка.

Потом Шура начала бредить. Немецкого солдата она принимала за товарища-партизана. Еще немного — и слова, слова, за которые пытаются и расстрелявать, сорвутся с ее губ.

Люба наклонилась над ней. Прижала шурину ногу к себе:

— Молчи, слышишь, молчи!

И Шура узнала Любу, сказала бред, сквозь беспамятство услышала голоса друга. Замолчала.

В набу воева офицер. Мутными, пьяными глазами облеба их конвоя. Женщины, большую на постели. Вызывает револьвер:

— Рус, матка, вон на ули.

— Куда же с большой-то?

— Вон! Буду стрелять!

Он схватил Шуру за плечи, стапша с постели. Шура закричала, Люба бросилась к нему.

И вот они снова на морозе: болная Шура, Люба, у которой мутится в глазах от усталости, Ольга Павловна—хозяйка. Три русские женщины бредут по русской деревне, иша принта. Во всех домах немецкие солдаты. Их гонят овсюду. Снег, ветер...

Избавление пришло неожиданно. Немцы, повидомому, получили приказ выступить из деревни. Неспех оделась, стали в строй и вскоре ушли.

Много ночей подряд дежурила Люба у шурини постели. Большой становилось все хуже. Врача достать было невозможно. Как помочула Шуру?

— Персбиновыа шурину ногу, Люба все сильнее чувствовала неприятный запах. Может быть, это начиналась гангрена?

— Пробраться с Шуры к своим, за Волгу, женщины не могли. Осталось одно—вернуться в Калинин. После бесконечных митарств Любе удалось раздобыть сани с лошаду.

— Скрыпть подала.

— А что везешь? — спрашивает встречный старик.

— Раненую сестру в больницу.

— Ну что ж, дай тебе бог. Я вот не донес жаруку. Ранено се, поезь я вот так же к доктору.

— А на дороге немцы: «Стой, рус». Выпрыг лошадь. Проню его, плачу — не слушает. Оставил а старуху. Сверху своей шубой прикры.

— Пошел обратно в деревню, хогса саласы привезти. А проехали мы никак с полугни. Вернулся обратно. Нет моей шубы. И с нее, оканিয়ে, все сняли. Мертвая лежит старуха на снегу. Замерзла.

— В Калинин поидри простился. Люба попомчала Шуру в сухие губы. И раньше были они друзьями. Но только теперь, после бессонных ночей у постели поидри, поинла Люба, что такое для нее Шура.

— Но расстаться необходимо. Любе надо в отря.

— Я скоро вернусь, Шурочка. Мы все придем. Скоро наступит этот день.

8. Проводы

Этот день наступил. Грабильница ударила, путается в краденных вещах. Жалкое и гнусное зрелище: пестрые женские шали вокруг небритых лиц, меховые горжетки на шинелях, разноцветные валенки. Шура узнала об этом чудовищном карнавале от друзей: она лежала в постели. Рана никак не затихала.

Нефедов тоже был болел — чорт, до чего не повезло! Столько ждал этой минуты, и вот все происходит без него. Зато он хороненко спаралась друзей — Пылаева и Холодова. Вооруженные финками и винтовками, отравились юноши в пригород устраивать немцам проводы.

С трусистой поспешиастью двигались перерожденцы, неслиа зымо домов, которые они превратили в слепых калеки. Дома обалева врагов яростной ненавистью. Из зинючих окон градом сыпалась на бегущих камни, куски ясака, тряпки, падали на головы убиенцев, набитые землей.

Как затрещали волки бежали немцы мимо деревьев, протигивающих их вслед обгорелые ветви. Оттуда, из перелета черных веток, копыры, ослепленные застрелены, свистели влоноку бегущим меткие пуан.

А когда смешавшиеся германские колонны выбрались за город и злягающие танки поподились по лесным, по скачонным, серебранным русским дорогам, настренны из-за толстых стволон выили хрибцы и забросали чудовища бутылками с огневой смесью.

Каждый камень советской земли таил в себе смерть, каждое дерево советской земли таило в себе смерть, и некуда было укрыться от нее ворам и убийцам, хотевшим поарбать свободной колхозной землей.

— Из-за выстуна дома Виктор Пылаев с ненавистью смотрел на гранисорые сипы. Это, с листьям воритком, показало ему особенно противной. Виктор нажал курок. Есь, Девакий фрив за этот день. К сожалеению, последний. Больше нет патронов.

Он опланкуа Холодова. У Холодова тоже кончилиса боеприпасы. Но винтовка его была зарижена. «Побереги заряд! — сказал Виктор. — Сохраняй его на особый случай!»

Они выбрались из-за дома и пошли, стараясь держаться поближе к стенам. Кановала свирепела, все ближе подкатывали к стенам, города грохочущие наступления.

Друзья проползали со зланием болышим. У ворот метнулись какие-то черные тени. Пылаев и Холодов подошли ближе. Два немца возлился с чем-то у стен больницы. Выкрикнула синича. В тот же минуту выстрелил Холодов. Поджигатель свалился с крыши. Немец побегал. Виктор бросился к мертвому, вытащил из его кобуры револьвер, выстрелил вслед бегущему. Совсем стемнело. Виктор так и не узнал, убила ли он в тот день десятого немца.

— Так они спасли больницу от пожара.

— Стреляи все усилнялись. Тяжко сотрясалась стена. Но жители радовала эта кановала. Все ближе подходили свои, освобождители.

В ночь на 16 декабря Красная Армия заняла город Калинин.

* * *

Первого февраля на Смоленском кладбище города Калинин предавали земле прах тридцати четырех страдальцев. Их погребение тогда было найдено в подвале домов и амбаров. В одном из художных изуродованных трупон, обнаруженных в яме на улице Софьи Перовской, гражданка Полева узнала своего сына Бориса.

Руки его были скручены веревкой, лицо носило следы страшных побоев, тело прострелено в нескольких местах и изрезано ножом. Но как ни нехватывало палачи, не вымолав Борис предательского слова, сохраняя жизнь своим друзьям.

Холодов и Пылаев сейчас в Красной Армии. С оружием в руках мстают они за жизнь своего товарища. Нефедов в городе Калинин. Он присутствовал на похоронах своего друга.

До шурини палаты доносились печальные звуки похоронной музыки. Люба с подругами из обкома проводила погнбных товарищей до самой могилы. Над открытой братской могилой взволнованно звучила краткие речи. Люба не забудит гнетного голоса матери, проди и холодный ветер своих сиванцев. И уходит прочь тяжелый сон. Дом мой, дом — родное пеленяие! Дом багровый над седым Днепром!

Нет! Никогда, никогда не вернуться захватчикам на освобожденную землю!

Красноармеец Л. РЕШЕТНИКОВ

ОТЧИЙ ДОМ

Будто бы и не сожжен он вовсе, С синими наличниками дом! — Будто снова слышу, как примычно бурлит калитка говорит, Прислонившись к планкату, вишня, Как заря, под окнами горит. Снова встает приторный запах стога. Тих утман над пажитью полей. Над днепровской синиою дорогой Крик последний стая журавлей.

Пролетают длинной вереницей В синем-синем небе журавли... Не догнать их. Это только снится — Снова плыв дзньмают вдали! И холодный ветер спон свивает. И уходит прочь тяжелый сон. Дом мой, дом — родное пеленяие! Дом багровый над седым Днепром!

Действующая армия.

Что ты должен

Что бы ты ни делал, товарищ, на каком бы посту ни стоял, о чем бы ни думал, — пусть каждое твое движение, каждый шаг, каждая мысль будут пронизаны одним содержанием, направлены к одной цели: победить врага!

Помни, что в эту суровую годину ты не только рабочий, колхозник, ученик; прежде всего ты воин, защитник родины. Ты полон решимости драться до полного разгрома фашистов. Ты смел и отважен. Это очень важно для победы.

«Но смелость и отвага, — говорит товарищ Сталин, — это только одна сторона героизма. Другая сторона — не менее важная — это умение. Смелость, говорят, города берет. Но это только тогда, когда смелость, отвага, готовность к риску сочетаются с отличными знаниями».

От того, как ты сумеешь воевать и побеждать, зависит твоя жизнь, твое будущее, честь, свобода и независимость твоего народа, твоей отчизны.

Наша Красная Армия оснащена могучей, передовой военной техникой. С каждым днем у нас все больше становится танков, пушек, пулеметов, автоматов, минометов. Задача заключается в том, чтобы с наибольшей пользой применить это оружие в бою, научиться стрелять так, чтобы каждая выстреленная тобой пуля, мина или снаряд попадали в цель, чтобы они поразили врага. Великий наш предок Суворов учил: «Воюют не числом, а умением». Неустойчив приборять это умение, приобретая знания, навыки, тренировки, становишься мастером боя — и ты побеждаешь.

Нам нужны мастера меткого огня, умеющие без промаха истреблять технику и живую силу врага. Нужны меткие стрелки, пулеметчики, автоматчики, минометчики, истребители танков. Это наиболее массовые и нужные военные специальности.

Во многих городах по решению ЦК ВЛКСМ созданы комсомольско-молодежные подразделения Всеобщих, которые готовят таких специалистов.

Товарищ, ты молод, здоров, ловок, у тебя острый глаз и твердая рука, а твоя душа бьется сердцем пламенного советского патриота — становишься же мастером меткого огня!

Пусть всегда перед тобой стоит пример отважных героев отечественной войны. Равняйся по ним! Умей бить врага так, как они!

ИСТРЕБЛЯЯ ТАНКИ, КАК ВАСИЛИЙ ПУТЧИН

Тридцать семь вражеских танков уничтожил этот герой. Десятки раз, как скачущий богатырь, вступал он в единоборство с бронированными чудовищами и каждый раз выходил победителем.

Одиничный боец против танка! Патгей против великана! Можно ли представить себе большее неравенство сил? Боец почти безоружен: у него в руках только связка гранат да обыкновенная стеклянная бутылка, а перед ним закованный в броню танк, оперившийся жерлами орудий, стволami пулеметов... Но воюют не числом, а умением. Умением все можно сделать, перешибить любую силу.

— Признаться, — рассказывает Путчин, — когда я впервые столкнулся с вражескими танками, у меня твоя уверенность в себе не было. Страх одолевал, когда танки приближались к нашим окопам.

Мужественный комсомолец сумел побороть чувство страха. Когда немецкие танки подошли

совсем близко, Путчин изво всех сил швырнул связку гранат и прыгнул. Бросок оказался удачным. Гранаты угодили прямо в гусеницу. Подбитый танк беспомощно завертелся на одном месте.

Так состоялось первое знакомство Путчина с танками. С тех пор встречи происходили часто. Василий Путчин в совершенстве постиг искусство истребления танков. Он не ждал, пока появятся танки противника. Как хороший охотник, он их шьет, высматривает, находит и уничтожает. Путчин знает, какие у танков наиболее уязвимые места, куда лучше целиться гранатами, а куда — бутылками с зажигательной жидкостью. Долгой и настойчивой тренировкой он выработал изумительную меткость броска. Он умеет бросать гранаты и бутылки с зажигательной жидкостью из разных положений, он может быстро оторвать яичник и ровник, маскироваться. В этом и заключается «секрет» успехов Путчина.

Много отважных и метких истребителей танков. Бойцу, действующему умно, расчетливо, отлично владеющему техникой метания гранат и бутылки, так не страшен.

Уметь

Готовься же и ты, товарищ, стать умелым истребителем танков! Тренируйся, изучай приемы борьбы с вражескими машинами! Будь таким же блестящим мастером, грозой для фашистских танков, как Василий Пугач!

УНИЧОЖАЯ ВРАГОВ, КАК ПУЛЕМЕТЧИК ХАМЕТОВ

Но, быть может, тебе больше по душе профессия пулеметчика? Специальность пулеметчика так же почетна и важна, как и специальность истребителя танков.

Можно привести много примеров блестящей работы наших пулеметчиков. Но в этом нет нужды. Назовем только одного родового пулеметчика — комсомольца Валентина Хаметова.

Во время жестокого боя из всего пулеметного расчета невредимым остался один Хаметов. Немцы отрезали его от роты. Тогда Хаметов установил свой «Максим» на высоте, господствовавшей над окружающей местностью, и решил бороться до последнего патрона.

Разгорелась жаркая битва за высоту. Против одного советского бойца немцы бросили сперва взвод, а потом целую роту. Хаметов точными очередями беспощадно косил вражеские

ряды. Потерев неудачу, возбешенные фашисты повели атаку беспорядочными волнами. Волны за волной накатывались на высоту и тотчас же откатывались назад.

В течение дня Хаметов отбил десять атак фашистов, отстоял важную высоту, обеспечил успешное наступление наших частей. После боя у подножия высоты нашли более двухсот трупов немецких солдат и офицеров. Вот что значит пулемет! Вот что значит смелый пулеметчик!

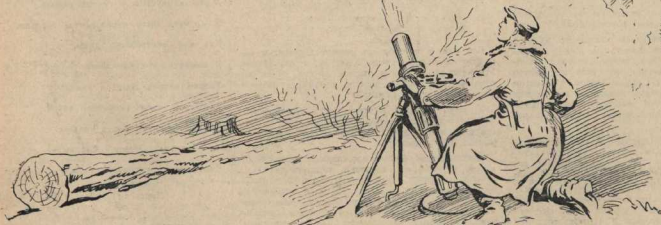
Хаметов — рядовой боец. Споры нет, в битве за высоту он проявил незаурядное мужество, отвагу, хладнокровие. Но это — не все. Что стало бы из его героя, если бы свищомый ливень, которым он поливал фашистов, был бы направлен не точно по цели? Что стало бы из бесстрашного комсомольца, если бы в разгаре боя у него отказал пулемет? Все дело в том, что отвага у Хаметова сочетается с мастерством, с умением, а это сделало его незаменимым, а позицию, которую он занял, — неприступной.

Хаметов мог один выполнять одновременно обязанности делого расчета. Он хорошо знал приемы пулеметного боя, знал тактику атаки, и эти знания сослужили ему большую службу. Хаметов беспрерывно менял огневую позицию: даст несколько коротких очередей и сразу же перекладывает пулемет на другое место. Таким образом пулемет неуловимым и создавал впечатление, будто высоту защищает не одна пулемет, а несколько.

Хаметов отлично изучил материальную часть и любовно ухаживал за своим пулеметом. Он твердо усвоил закон: только исправное оружие гарантирует безотказную работу. И его пулемет никогда не отказывал.

Так умение принесло победу.

Но знания сами не приходят! Они приобретаются настойчивым трудом, опытом, тренировкой. Что же мешает тебе, будущему пулеметчику, освоить пулемет так, как освоил его Хаметов? Ничего! Изучай, совершенствуй свою военную специальность — и имя твое, имя храброго и смелого пулеметчика, героя отечественной войны, прославит благодарная Родина.

Сродни пулемету — автомат. Еще не так давно у немцев автоматиков было больше, чем у нас. Немецкие автоматчики нередко просинаясь в наши тылы и поднимали невозможную трескотню. Эти шумом они рассчитывали вызвать среди бойцов смятение, создать видимость окружения.

Наша армия имеет теперь на вооружении легкие автоматы. С каждым днем автоматиков у нас становится все больше и больше, уже выросли замечательные кадры стрелков из автоматов. Недавно одному из советских автоматиков, старшему сержанту Хазимурзе Мильдихову, присвоено звание Героя Советского Союза. Он выдержал бой с целой ротой немецких фашистов, отбил несколько вражеских атак и уничтожил больше ста фашистов.

В один и тот же день Мильдихов попеременно был разведчиком, дерзал оборону, вел наступление. И во всех этих операциях он действовал смело, решительно, с глубоким знанием дела.

Автоматиком приходится выполнять самые различные задачи, действовать и крупными соединениями, и небольшими группами, и в одиночку.

Если ты, читатель, встретил бойца и тебе скажут, что он автоматик, знай, это отважный-но смелый человек; это боец, не поддающийся страху, презирающий смерть; это сама воля и стойкость. Людей, не обладающих этими качествами, в автоматиканы не берут.

Мильдихов встретился с шестьдесятю немцами — я не дрогнул, не поколебался принять бой. Снабом забито затвор его автомата, оружие не действовало, фашисты были уже в нескольких шагах от Мильдихова. Гибель, казалось, была неминуема. Перед лицом смерти он нашел в себе достаточно силы и хладнокровия, чтобы выдержать автомат. Погрешком оставалась твердая его рука и меток глаз. Вот он, нашестий автоматик!

Если ты чувствуешь себя достойным воити в славному семью автоматиков и стремишься к этому,—будь юхож на Мильдихова!

ГРОМИ ПРОТВИНКА, КАК МИНОМЕТЧИКИ БАТАРЕИ ШЕВЧЕНКО

Громкая слава идет об этой батарее среди солдатиков Севастополя. Куда бы ни пришел минометчик, вездю он желанный гость, вездю ему почет и уважение.

Нет у полконица лучшего друга и помощника, чем минометчик. Где бывает бесстрашен стрелок, где подчас ничего не может поделат артиллерия,—там творит чудеса минометчик.

Минометчики — люди аккуратные, любящие точность и счет. Бойцы минометной батареи Шевченко авашали: «Уничтожено: склада боеприпасов, одна бронешаша, одна противотанковая пушка; разрушено: три дзота, один дот и наблюдательный пункт, много окопов; погалажено: одна минометная батарея, одна противотанковая пушка, свыше десяти основных точек стрельбы» и рассеяно окоп батальона немецкой пехоты».

Это — итог работы минометчиков командира Шевченко за два месяца. Неплохой итог!

Минометчики вылавлялись накрывать цель с первых же выстрелов. Как-то на дороге появилась группа вражеских мотоциклистов. Минометчики батареи Шевченко заметили их, быстро отогнались и дали залп. С весны и сислетом поделети минны. Раздалась взрывы, и вот на том месте, где только что мчалась мотоциклисты, остались десять науродованных трупов да исковерканные машины.

Вскоре произошел другой случай. Минометчиками сообщали, что в доме, находящемся недалеко от батареи, повелует команда немецких офицеров. Рядом с этим домом был вражеский наблюдательный пункт.

Минометчики открыли беглый огонь. Только один офицер успел выбежать из дома. Все остальные погибли. Убит был и наблюдатель. Это образец снайперской стрельбы минометов.

Наша промышленность дает сейчас армия необходимые количество современных минометов. Пусть же молодежно-комсомольские подразделения Всесоюбу подготовят для Красной Армии достаточное количество минометчиков, а советские постигших искусство разить врага этим могучим оружием!

СТРЕЛЯЯ ТАК, КАК СНАЙПЕР СМОЛЯЧКОВ

А разве снайперская винтовка менее грозное оружие, чем автомат, пулемет или миномет? Грудью даже представить себе, какой огромной ущерб врагу может нанести снайпер, вооруженный винтовкой с оптическим прибором.

Яркий пример этому — восемнадцатилетний Феодосий Смолячков.

29 октября 1941 года, в день своего боевого крещения, он уложил трех фашистов. С тех пор война не проходила дня, чтобы Смолячков не шпшал в свою кинжух еще несколько уничтоженных немецких солдат и офицеров. От его руки погибло сто двадцать пять фашистов. Такого ленинградский комсомолец, сверхметкий стрелок, Герой Советского Союза Феодосий Смолячков.

Искусство снайпера — трудное и тонкое искусство. Снайперы невзвидны, но сами все видят. От зоркого взгляда снайпера не дается ни одна мелочь, ни одна деталь. Он способен долгие часы, в зной и стужу лежать, не шевелясь, и терпеливо выжидать появления цели. Как ни велика опасность, которая ему угрожает, снайпер не нервничает, не волнуется. Спокойно и хладнокровно прицеливается он и плавно нажимает спусковой крючок. Его пуля без промаха идет намеченную цель.

Именно таким хладнокровным стрелком и был Феодосий Смолячков. Затем, когда боины еще спали, он со своим напарником полз за передний край обороны и, обложив украинскую местность, прятал и нахлпал немецких солдат. Обретен был тот офицер, наблюдатель, связаной, который хоть на мигновье появлялся в перекрестье оптического прицела смолячковой винтовки: намертво была врага меткая пуля снайпера.

Снайпером становится не сразу. И Смолячков долго и серьезно учился искусству меткой стрельбы. В детстве он был участником в охотничьих на вылов — напавки выстрелы и выстрелы пригодились. Потом он обучался в школе снайперов. В армию он пришел добровольцем. Был поваром, но любимого занятия не оставлял: все время тренировался, много стрелял, приучал себя поделату лежат без движения, умело маскироваться.

Много у нас в армии таких великолепных стрелков, как Смолячков. С каждым днем их становится все больше и больше. И это должно радовать всех советских патриотов. Ведь каждый новый сверхметкий стрелок несет мерей десяткам и сотням гитлеровских убойц, спасает множество жизней советских бойцов!

Будь же и ты, товарищ, сверхметким стрелком! Воспомяни уничтожителю из своей снайперской винтовки немецко-фашистских захватчиков, и Родина скажет тебе спасибо.

* * *

Все они, и истребитель танков Путинг, и замечательный пулеметчик Хаметов, и автоматчик Мильдихов, и многие тысячи других, таких же отважных и умелых солдат, постигли военное искусство в огне сражений.

У тебя, молодой патриот, есть возможность прийти в армию квалифицированным бойцом, мастером своего дела. Изучай тебэ знания и умение дст Всесоюбу.

Специальностю боя не рождается: он становится. Изучай же, товарищ, военную технику. Знания, которые ты получишь, послужат тебе большой службой в бою. Недавно говорят: «Смелога да умелого и пуля боится». Нем лучше услышь ты военную науку, тем скорее приближись желанный час победы над ненавистным врагом.

КЛЯТВА ПАРТИЗНАНА

(Сербская народная песня)

Свой огонь отрясают рассветы
В белопенные воды Моравы,
Травы сушат росы на солнце,
Рыбаки растялают сети,
В этот час, самый светлый и светлый,
Я клянусь вам, отважные братья,
В нескгабемой верности тебе!
И в любви к полоннойой отчизне.
Как во рту ефес ягагана,
Буду тайну держать я зубами,
И ни пытки, ни истязанья
У меня нашей тайны не вырутут.
Буду я молчаливым, как скалы,
И упорным, как водопад.
Что с угасов бегут неуставно
И струею камня толкают...
Если чета направит в разведку,
Стану я неприемливый былинки,
Стану чутким, как горная серна,
Стану храбрым, как прадеды-сербы.
Я клянусь, где бы только я ни был,
Мстить фашистскому вольчьему роду,
Или давать кирпичи вместо хлеба,
Гневной яростью насытит воздух.
Пусть и воздух славянской отчизны,
Полоненный, стесненный и жаркий,
В полдень яркой фашиста б забрызгал
Полуночной, черной смолою.
Я клянусь никогда не боиться
Оглушающей огневной смерти.
Если я и умру за свободу,
Жанье остануся я в песнях народа.
Я клянусь быть отважным и дерзким,
Как мои бесстрашные деды,
Я клянусь, что наполнено сердце
Только острой жаждой победы,
Я клянусь быть спокойнее стали,
Не теряться, где бы я ни был,
Как нас учат Ленин и Сталин —
Два светла глубокого неба.

Перевела Надежда БЕЛИНОВИЧ

1 Чета — партизанский отряд.

НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ

Один снаряд

Кухню оба командира шлоха с наблюдающего чувства одновременно: один — в бинокль, другой — в стереорубку.

Немецкие кашевары движутся по дороге, и дымок из кухонной трубы отмечает их маршрут.

— Разрешите подать к обеду третью блюдо, — просит командир батареи Топин у Штукникова.

— Нелзя, Топин, — возражает командир дивизиона. — Жалко тратить снаряды на кухню-то.

— Я прошу только один снаряд.

— Цель очень далеко. Первым снарядом мы ее не накроем.

— Я прошу только один снаряд, — повторяет Топин, и в голосе его слышится мольба.

Штукник, его приятель и начальник, разрешающее маневр рукой, но то всемоу выдох: он не столько верит в успех, сколько попросту не хочет огорчать лейтенанта.

Возбужденный и озабоченный Топин приступает к вычислениям. Дорога у мостика пристрелена, нужно только правильно учесть скорость передвижения кухни влево от мостика.

Но вот готова и поправка. Лейтенант передает команду на свою батарею. Там уже предупреждены. Все понимают ответственность момента.

Пристрелки не будет. Цель нужно накрыть из дальнобойного орудия с первого выстрела. Дело, в конце концов, не в кухне — чорт и ей совсем! — речь идет о чести батареи.

Командир первого орудия сержант Шлоха сам занимает место у панорамы.

Звучит команда:

— По фашистской кухне, гранатой, взрыватель осколочный, заряд третий... Огонь!

С самонаведением снаряд смотрит Топин на дальнюю дорогу.

Ну да, так и есть. Снаряд разорвался в десяти метрах от кухни. Повозку с лошадыми отшвырнуло куда-то в сторону. Не уцелили кашевары, не уцелила и каша.

— Кухня под наблюдением шефа Топина, — шутит командир дивизиона, бесконечно довольный своим приятелем и подчиненным.

Вскоре наши пехотинцы услышали крики и ругани, которые доносились из немецких окопов. Еще бы! Третий день подряд фашисты оставались без обеда. Они скверноспасили и в бесцельной ярости не скрывались на угрозы.

У гитлеровцев оказался весьма большой запас непотребных оков.

С тот день наши бойцы пообедали с особенным аппетитом.

Свечка

Отряд решил переходить реку ночью.

В трехстах метрах выше по течению черная мост. Там стоял немецкий караул. Но нам не было смысла рисковать и трогать последние гранаты ради прогулки по мосту.

— Только предупреждо, — наставила старший отряда Костенко, — подвешивать медленно. Чтобы без бульканья, без плеска. Сами знаете, как над водой звук бежит. Зубами стучать тоже про себя, не на всю округность. Выйдем на берег — за берестой. Костер разжигает Часовой. Обсудимся, протрем оружие, отдохнем.

Семеро пошли к воде, и один только Григорий Свечка, фотограф дивизионной газеты «Зашитник Родины», остался на берегу.

— Мне профессия не дозволяет купаться, — сказал, тяжело вздохнув, Свечка.

За вазушкой у него лежал ФЭД, и пленка была заснята. Из-за фотоаппарата Свечка и оказался здесь в воду. Он жалел своего «Федю» и кадра, заснятые в бою.

Среди прочих кадров портрет комиссара Кожухара. Последний снимок комиссара перед смертным боем. Свечка обещал Кожухару в случае чего отправить фото его брату кузаву в Забайкалье.

Я позанковался со Свечкой летом на правом берегу Днепра, когда он, по его выражению, находился «на партийной работе»: снимал прихваты в партию. Каждый день Свечка, заснувший ФЭД за голенищем, ползал к окопам. Каким-то образом он ухитрился так под огнем фотографировать людей, которые еще не успели позачит партийных документов.

Ничья уговоры не могли заставить сейчас Свечку изменить решение и поехать в реку с аппаратом. Он отмахивался или отвечал односложным «ни».

Свечка заверил старшего, что отвинтит борт от кузова грузовика и с помощью шеста перевернет реку на плоту и придет утробком на левую опушку рощи.

Подбитый грузовик черед на берегу метрах в ста по течению, а вырезать книжком шест ничего не стоило.

— Ось слыше тричть хось, це значит, що я йду, — наловил Свечка с берега, когда мы уже были по пояс в воде.

В темноте перешли мы через реку и старшим издал какой-то противоложский берег, окоченение, промозжине до плеча.

На том месте, где остался Свечка, ничего нельзя было рассмотреть. Ясно, что и он не видел нас. Тем не менее все помахали на прощание касками.

Мы предельно резко разжечь костер ночью. Но никто издал какой-то выстрел, выстрел, взрыв гранаты. И костер пришлось отложить предосторожности ради до утра.

Еще не все успели обуться, как в беззвучие послышался троекратный свист. Костею тихо откликнулся.

У костра появился Свечка.

Он пришел в сухой бросил в руках. Свечка сделал еще шаг к огню и бросил каску. Она с дребезжанием ударилась о корячине.

Мы увидели, что на плече у него вярван клох шинельного сукна, а рукав пропитан кровью. Из левого уха также сочилась кровь.

— Та ось баниче, трохн поравений, — виновато сказал Свечка.

— Плот? — спросил Махоткин, осторожно разрезая рукав шинели по шву.

Свечка отрицательно покачал головой: — З плотом багато морока. Довелось шукати другу дорогу, щоб прийти швидше.

— Значит, мост? — вскрикнул Махоткин остолбенев.

Свечка утвердительно кивнул:

— Подчасок, чертяка, гранату швырнул. Як жахнуло, мене из каски збралась желатика. Вся зморилась.

Костенко поднял каску. Она и в самом деле была «зморилась». Каким образом Свечка остался жив и отделался ранением, непонятно.

— Подчасок, бисов сын, — ругнулся Свечка, — слушайть какой! Не забывай у подчаска.

— Подчасок, подчасок, — ворчал Махоткин, бинтуя плечо. — Ведь их на мосту две окопывалось. Часовой-то куда делась?

— Та хіба я вам не казав? — удивился

Свечка. — Часовой я покваря раніш. Тахесенько. Та ось подчасок, чортка, трохки нашкодило.

Я снял с себя каску, достал из нее пилотку — она играла у меня роль подкладки — и отдал пилотку Свечке.

За это он обещал меня снять, когда развиднеется, на картонку.

Свечка сообщил мне по секрету, что пленка заснута не вся и он еще может «сробить» три кадра.

Человек с бородкой

Странно было видеть у молодом, почти юношеском лице черную бородку.

Обычно борода сообщает человеку что-то страшное, делает его солиднее, старит.

Эта борода казалась приклеенной. Она никак не гармонировала с задорной улыбкой, с глазами, в которых не потужал веселый блеск.

— Фронтное кокетство или равнодушие к своей внешности?

— Ни то, ни другое, — ответил капитан Вавилов и рассказал вот что: — Судьба сбросила батарею в деревню Васьки. Не слышат? Нет ничего удивительного! Местность мелководья. Кругом болота, а тут еще дожди.

Дорогу размыло, а я, заметев, без дождей. Все мое движимое имущество — бинокль. Чем прикажете брать? Повисело пустяк борода на самостек, Оброс, как дьявол.

Немцев «крестили» тогда — лучше не надо. Наблюдение велось не дельнично. Подползая ближе-ближе, Наводный, заржал быстро.

Может быть, немцы меня в стереорубку и увидели.

Назавтра «крестинки» кричат в рупор:

Так и так передайте человеку с бородкой, что мы его все равно подстрелим. Хочет жить, — грохачь, — пусть проваливается со своей батареей.

А может быть, подслушала разговор по телефону: меня ابو арами переговоров для секретности звали просто «человек с бородкой» зовут.

Только и разговоры на батарее было, что об угрозах.

— Значит, не во вкусу прирлась наша работа, — рассудили артиллеристы.

И начал «крестить» еще прилжежне.

Был у нас при штабе один пшарь, долго-долго, весь в ромашках, с бородкой. Так и вадруг решил ее сбрить. «Не хочу, — объясняет, — немцев раздраить».

Погода между тем вяла свое. Сами знаете, — морозы. Дорога установилась, привезла чемадан.

Приехала и моя бригада. Я совсем было собрался туалет нанести, но тут меня осенило: а вдруг кто-нибудь из бойцов подумает: «Лейтенант снайпер немецкого испугался». Угрозу-то все поминим!

Ну что же, пришлось бинтув отложит. Так и остался с бородкой. Ничего не поделалось — фирма. В некотором роде батарейная марка.

Примки, знаете ли. Только когда в зеркало на себя смотрю, вижу чужого дядю. Если домой картонку послать, — тоже, наверное, не признают.

А так — все в порядке. Надих «крестинки» снова в рупор орали, слова грозили.

Взвод Командира Дубова

2. Винтовка против автомата

Командир батальона капитан Инзикин сидел с картой в руках в полуразрушенной избе. Он был озабочен и очень обиделся приходу Дубова.

— Воздушный десант немцы в тылу у нас выслали, — сказал он Дубову.

— Далее?

— В том-то и дело, что недалеко. Вот здесь, у этой рощи, — и капитан карандашом очертил маленький кружочек на карте. — Разбредут немцы по тылам и начнут шквалить. Вашему взводу ставлю задачу: уничтожить десант. В составе десанта имеются две танкетки. Для борьбы с ними пришло противотанковое орудие. Задачу нужно выполнить как можно быстрее. Ни в коем случае не дать им добраться до леса — тогда хлопот не обещается. Выступить немедленно.

Дубов поспешил с бойцами к месту высадки десанта. Там уже никого не было. На дороге бойцы встретили старика-колхозника. Оказалось, что он видел, как высказывались немцы. На вопрос Дубова, куда направился противник, старик ответил:

— Все они там, в роще.

— А в лес не ушли?

— Не, никак не могли уйти, — решительно заявил головой старик. — Не успели.

Вместе с командирами отделений Дубов выдвинулся на опушку леса, несколько минут внимательно изучил местность и решил:

— Окружать рощу. Ближе чем на триста метров к ней не подходить. Бойцам окопаться и наблюдать. Все время быть наготове. Как только покажется хоть один фашист, немедленно бить по нему из винтовок и пулеметов.

— Почему же только на триста? — удивился Дубов. — На близкой дистанции это — очень опасное оружие. А за триста метров ничего автомат нам не сделает. Так только, напугает без пользы.

Бойцы ползком выдвинулись к роще и заняли места, указанные младшим лейтенантом. В роще было тихо.

Хитрит немцы, охотят нас хотят, — с досадой сказал Дубов командирам орудия, который был рядом. — Ну, да не обманет... Командир орудия сержант Идрисов Огюта Хак, крепкий, широкоплечий бошкыр, предложил:

— Разок-другой ударить бы окольными. Тогда и зашевелился.

— Дело, — согласился Дубов. — Только снарядами надо экономить.

Томительную тишину внезапно разорвали три гудка выстрела. Как потрясенный улей облетая, загудела роща. Между деревьями забегали немцы, затрещали автоматы. Завидев щель, наши бойцы немедленно открыли по ним огонь из винтовок и пулеметов. И как бы в ответ из рощи ударил пулемет. Стрельня, по видимому, из танкетки. Этого только и ждал командир орудия. Он заметил, откуда стрелял немецкий пулемет, и скомандовал:

— Броебойным — огонь!

Наводчик Вергун хорошо знал свое дело. После второго орудийного выстрела пулемет смолк. В просветах деревьев показалась пламя. Это горела подбитая танкетка.

Взвешно немцы, как по команде, прекратили огонь из автоматов. На несколько секунд стало тихо. И вдруг стрельба возобновилась с новой силой. Автоматы трещали не переставая. Немцы мстили за подбитую танкетку. Яростным огнем они хотели загнать наших бойцов. Ничего у них, однако, не получилось. Этот прием красноречивей знали хорошо и не обратили внимания на интенсивную, но безрезультатную стрельбу из автоматов.

Бойцы озабочены были тем, чтобы точно заметить, откуда стреляли автоматы. Высытривая щели, они из винтовок на выбор уничтожали фашистов.

Убавившись, что «спасившая» стрельба ничего не дает, немецкие автоматчики изменили тактику. Массовый огонь прекратился. Появились разрозненные выстрелы одиночных автоматов.

— Парам работают, — сказал Дубов, следящий за рощей в бинокль.

— То есть как это — парам? — спросил Новиков.

Дубов протянул сержанту бинокль.

— Ишь ты, как действуешь, — с интересом делился Новиков результатами своих наблюдений. — Один банлит на дереве сидит и высматривает, а другой на земле лежит и по его указанию стреляет.

— Старые штучки, — отозвался Дубов. — Сейчас их их успокоит.

Метким выстрелом из винтовки Дубов сбил вражеского наблюдателя. Сразу же смолк и автомат. Лишившись «глаза», автоматчик, стрелявший с земли, прекратил бесполозную стрельбу.

— Наша винтовочка, если умючишь пользоваться, незаменима, — с восхищением заметил Новиков. — В любом месте немца достанет.

— Это верно, — подтвердил Дубов. — Винтовка зачастую куда сильнее автомата. Только вот что, когда темнеть начнет, немцы непременно попытаются незаметно пробиться в лес. Ни в коем случае нельзя их пропустить. Попробуй переловить их в лесу! Назначь, гдям, по тылам начинать. А по ночам у них особая тактика. На испуг бегут. Залезут куда-нибудь в тыл и начнут палить, куда пошло, а сами бегут с места на место. Необстрелянному бою и кажется, будто в тылу действует большая группа противника, а на самом же деле их всего-навсего два-три человека.

— Не только ночью, днем с ними тоже канители немало, — вступила в разговор командир

орудия. — Я их, проклятых, знаю. Пролезут в тыл несколько банлитов с автоматами, выберут себе удобные места и сидят, молчат, как вороны, цены выстраивают.

— А что толку из этого? — не понял красноречивый Вергун.

— Как-то толку! Представь, алетит ихняя ананая — бомбежка пойдет или артиллерия огонь откроет. Шум, грохот. Разве разберешь, где автоматы? Тут-то они и начинают бить по важным целям, панику создать хотят.

— Хитро, — заметил Новиков. — Непаром бойцы пугаются их канител. Этких канителов уничтожать нужно беспощадно.

Немцы в роще окончательно присмирели. Огонь они уже не вели. Танкетка их также почему-то не показывалась.

— Хватит канителиться, — решительно сказал Дубов. — Надо кончать, пока не стемнело. Роща редкая. Если откопает сосредоточенный огонь из винтовок и пулеметов да еще окольными снарядами жарку подадим, испочем не успеть немцам в роще.

Дубов дал сигнал открыть огонь.

По команде сержантов бойцы в течение пяти минут забили их беспощадно. Этких канителов роща без отблуда была окольными снарядами и пушка Идрисова.

Туго пришло немцам в роще! В поисках спасения солдаты бросались от одной опушки к другой, но исподу наткнулись на губительный огонь винтовок и пулеметов.

Командир орудия первым увидел в роще белый флаг.

— Ставься хоть немцы, флаг поднимай...

— Имел я уже дело с белым флагом, — недоброиво отозвался Дубов. — Провертись надо. Прекратить огонь! — приказал он.

Из рощи вышел немецкий солдат с белым флагом. Навстречу ему двинулся Толдыкин. Немца положили на землю автоматом, поднял руки вверх, отошел в сторону и остановился. Из-за деревьев появилось еще несколько солдат. Они шли с поднятыми руками, без оружия. Автоматы они оставили на опушке.

— Ну, видно, поузили, — сказал Дубов. — Побейте, Новиков. А вы, товарищ сержант, орудие наведите. На всякий случай. Вернее будет.

Восемнадцать немцев сдались в плен. Бойцы отделения Толдыкина орудиям пленных. Дубов с Новиковым отразились в рощу. Дубов же прибил бойцы 4-го отделения, чтобы собрать орудия.

В роще бойцы увидели изуродованную, сожженную танкетку, друга, щель, пенку в лесине. Когда Дубов подошел поближе, оказалось, что танкетка была... деревянная.

— Ну и ну! — с изумлением произнес Новиков. — Сначала это изумление. А я все дулом, почему только один пулемет стреляет, когда танкеток-то две.

— Эти штучки нам знакомы, — ответил Дубов. — Любит немцы влиять на пенку. Сначала это действовало, а теперь нет. Сосчитали, Новиков, сколько немцев убитых?

— Сосчитал. Убитых — двадцать два, раненых — четыре. Да еще два обер-ефрейтора связные лежат.

— Выходит, с теми, которые сдались, сорос шесть человек было. А у нас сколько?

— Тридцать шить.

— Неплохо. Раненых у нас сколько?

— Трое...

Тут, откуда ни возьмись, появился Терещенко с тремя крестьянскими половами.

— Где поводы достали? — удивился Дубов.

— Та не наш старичок постарався. Он все время в лесу сидел, дивялся, кто буде, а як побачив, що раненые у нас есть, так и пригав половды. Де они их узияв, сам не разберу — развел руками Терещенко. — Неваче що спид мени выкован.

— Ну, спасибо, дедушка, — поблагодарил колхозника Дубов и приказал Терещенко пережить раненых на медпункт.

К этому времени раненых уже успела перевязать санитарка Маруся, которая постоянно была со взводом.

Пленные были доставлены в штаб части. На допросе они показали, что сами пристрелили офицера и свалили двоих обер-ефрейторов, которые не хотели сдаваться.

Бойцы взвода Дубова получили отдых на два дня. В лесу, на небольшой полянке, красноармейцы чистили оружие. Разговоры были главным образом вокруг вчерашнего боя с автоматчиками.

— Зарово взводный немецких автоматчиков обставил, — сказал молодой боец Немкин. — Только вот одного и не пойму никак: выводит, выводит, душит автоматом, зачем же тогда эти автоматы нужны?

— Я сам тоже не понимал, когда такой, как ты, авенный был, — ответил Гольцкин. — Каждому, брат, свое. С автоматом сподручно в лесу действовать или в населенном пункте. В бою на коротких дистанциях это расчуденное оружие. Удобно, легко, компактно. Почему его в броне да как шарашенью оверьялю, — что твой пулемет! Враз чорт-те сколько народу пошлешь, если, конечно, на близком расстоянии и в упор стрелять.

— А пуля его далеко летит?

— Вот в том-то и слабость немецкого автомата. Прицельная дальность сдается у него всего двести метров, да и то помать трудно. Пуля-то у него малявшка, пистолетная, ворсусь с ноготоч. Другая пуля догонит, может, и на триста метров, да толку-то никакого. Мало travelsка, чтобы помать. Лучше его стрелить на дистанцию до ста метров, а дальше — только пуля зря разбавается. Соображашь теперь, почему наш взводный приказал не подходить к роще ближе чем на триста метров?

— Соображаю. А винтовочная пуля много дальше бьет?

— Винтовка — совсем другое дело, — с уважением произнес Гольцкин. — У нее пуля может лететь на три километра, а прицельная дальность — два тысячи метров. Провести на два километра стрелять тоже безопельно. Но все-таки... Устав наш так говорит: бойцы самостоятельно ведут огонь на четыреста метров, отличные стрелки — на шестьсот метров, а снайперы, у которых специальная прищель есть, — на восемьсот метров из этой самой винтовки без промаха бьют. Попробуй-ка на такие расстояния из автомата достать...

— Смотри ты! Выходит дело, думать надо, когда винтовку лучше в ход пустить, а когда — автомат.

— Факт. Думать не будешь — провадешь ты за гроб, хоть и с пулеметом будешь, не то что с винтовкой.

В суммарный вечер беседы к бойцам подошел Дубов и сказал:

— Кончайте чистку. Комбат приказал идти в роту. Завтра большое дело предстоит...

Р. ЛАРИНА

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

Это был тяжело больной. В воздушной схватке с врагом он получал сотни пулевых пробоин. На мгновение мотор отказался служить водителю-летчику. Бой был неравным. Пятнадцать немецких пилотов напались на одного советского летчика. Но у наших сколов есть закон — живым или мертвым выходить из боя только победителем. Так случилось и на этот раз. Обрушился горячие гостинцы на фашистов, получил бобо смертельные ранения, машина вскоре приземлилась на заснеженном взвозком аэродроме прифронтового города.

Искусный летчик с осторожностью заблуждался санитарии дружинники доставлять больного в санбункер самолетов.

Здесь она встала рядом с другими воздушными кораблями, пострадавшими в бою.

Люди, не искусные в искусстве ремонта самолетов, глядя на взрванные машины, с трудом могут поверить, что они смогут сржаться в воздухе, сбрасывая бомбы на вражеские укрепления.

Вот стоит приглушающий бомбардировщик. Вчера он получил увечья в жарком бою, но благодаря опытным заводе по боежке вражеского объекта, смело отразил натиск трех немецких истребителей.

Рядом другой самолет — разведчик — с извесью пробитым фюзеляжем и одним крылом, здесь же жасет железный самолет-летробот с безжизненно висевшими проволками и трупками.

Кто возвращает их всех к жизни? Существует ли на свете такие чудотворственные силы? Да они существуют.

Комсомольцы этой «лебединый» самолетов выбрали три самые разбитые машины. Они решили отремонтировать воздушные корабли сьера плана.

Мастер комсомолец Алексей Алексин взглядом опытного хирурга окинул «ауату» и сказал:

— Вот тут!

И вот тут, — показал направо комсорг Иван Борисов.

Лица молодых рабочих повернулись к живирующему бомбардировщику — машине безстрашного летчика старшего лейтенанта Алексея Лоханова. Все электропровода и радиаторы е были поражены огнем зенитных орудий. Комсорг знал, что на этой машине отважный экипаж Лоханова делал уже сто боевых вылетов и что сбился он за время войны пять стертатиков.

Третий самолет обратился на себя внимание большим количеством снега. Должно быть, враг думал, что навязка вывел из строя эту спальную птицу.

Но молодые «хирурги» не желали с этим согласиться.

— Я думаю, — сказал комсорг Борисов, — что мы должны сейчас забыть все личное — сон и развлечения. Пусть каждый считает себя мобилизованным.

Дни и ночи проводил комсомольцы в деке, у рабочего места. Каждым овладевало творческое беспокойство за общее дело.

Когда молодой завод узнал об инициативе комсомольцев авиационной мастерской, из другого города пришла электромашина Надя Ермолова.

— Считайте меня мобилизованной, — сказала она. — Я могу помочь.

Электромашина с подругами восстанавливала электропроводку. Не было электротехом. Кто делать? Заново разрабатывать? Звать специалистов? Послеотавашившись комсомольцы решили сделать все своими силами.

— Раз машины комсомольские, — сумел сделать все без посторонней помощи! — и мастер комсомолец Сергей Глебов сам мелял и разрабатывал электротехому.

Трудно определить, на сколько процентов каждый выполнял здесь свою норму на операции не существует, работа проходит по графику. Но комсорг жес гидравлик Борисов, пожалуй, может поспорить с любым станочником-трехосновником.

— Борисов — primo виртуоз! Гидравлика — это его стихия, — говорил о нем начальник авиационной мастерской.

— Я хорошо слышу, о чем говорит мой трупы. Мои друг к другу привыкли, — смеется Борисов.

Весь свой юностицкий пид, всю свою смекалку рабочего, конструктора, технолога отдал он возвращению к жизни трех раненых самолетов. В стужу, в залье февральских морозов Борисов воился на аэродроме у машин. Мешал ветер, стили руки, но Борисов не чувствовал холода.

Не покидала своего рабочего места и Маруся Васильева. «Санитаркой» называли ее в эти напряженные дни товарищи. Она использовала очень малую часть своего время важное дело. Ни один рабочий не слышал от девушки: «Такого инструмента нет». Специальные сверла, ключ, завертка всегда были запасены у нее для каждого, в какой бы час он ни пришел.

Вот детали собраны в узлы и механизмы, агрегаты надеты на стволы, целиком или частично. Теперь надо произвести стыковку и окончательную сборку вновь возрожденного самолета. Нужно в точности восстановить первоначальную наружную форму, архитектуру самолета, сделать «запасники» резкие переходы от крыльев и оперения к фюзеляжу, сделать гладкие с плавными переходами калоты. Здесь нужны золотые руки мастера, чутье художника.

Тут все называют имя комсомольца Володи Марюхино. В его искусные руках плоский лист дюралюминия принимает ту форму, которую задумал конструктор при проектировании машины, ту форму, над выполнением которой работы технологи серийного завода, изготовляя для нее специальные штампы и подбирая пресс. Ни прессов, ни штампов нет в авиационной мастерской, но делать «запасники» нужно. Их делает комсомолец Владимир Марченко.

Последний удар молотка, последний поворот ключом — и машины, возвращенные к жизни, выкатываются на аэродром.

Весь завод вышел на митинг чествовать комсомольцев «лебединый» самолетов. Прибыл сюда и экипаж летчика Лоханова. Молодые воздушные бойцы стояли у своего старого боевого товарища — самолета el-45.

Вот он на старте, весь ползоборный, как бы готовясь к бегу, к полету, к набору скорости и высоте! Рядом с ним те, кто возвращает его к жизни, — комсомольцы, гвардейцы трудового фронта, не знавшие в эти дни покоя, люди, вдохновленные героическими подвигами фронтовых товарищей.

Летчики привычными движениями открывают люк. На мгновение они скрываются внутри фюзеляжа, и вот их обветренные лица уже видны сквозь прозрачную оболочку кабины.

Послышалось нарастающее завывание стартера, моторы вихули, лопасти винтов едда прокрутились, а затем бешено завертелись. Самолет тронулся с места в ползод по своему полю. Через несколько секунд между плоскостями крыльев и землей повисла все удлиняющаяся просвет; самолет в воздухе.

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК ПИМФФ СТАЛ МЕРТВОГОЛОВЫМ

— Ваше божество, там опять вам Гитлер жертву принес — полторы тысячи немцев...

— Где? В священной роще Наханарвалов?

— Нет, ваше божество, в лесу за Можайском.

Ну и то хорошо. По крайней мере они, видите, заморожены как следует, можно хранить. Но как мне все это наладить!.. Хотя бы один мясоступный день. При моей застарелой подагре это становится просто невыносимым.

Древний кривой германский бог Вотан, вытаскивший фашистами из сундука мифологии, посылая нафталином изрядно трагичную моллю звериную шкуру, которая была накинута на его плечи, поковырял копыем в ухе и прошамкал:

— Надо все-таки посмотреть, кого они приносят мне в жертву. Приведите сюда какого-нибудь свеженького.

Дежурный альф сбегал куда-то и через минуту привел к Вотану только что убитого молодого эссыовца из дивизии «Тотенкопф» — «Мертвая голова». На петличках и рукавах жертвенного молодчика красовались черепа и скрещенные кости.

— Из отборнейших, ваше божество, — прикрывал в ухо Вотану дежурный альф, — мертвоголовенький!

Мертвоголовый выглядел неказисто. На голове его вместо наушников был надет бюстгальтер, прикрывавший обмороженные уши.

Шленяцца-калоши из соломы и тряпичный пологик, накиннутый на плечи, дополняли странное одеяние плечам и почесывались. Увидя Вотана, он вытнулся, выбросил вперед и вверх руки и гаркнул: «Хайль!» — но тотчас же засунул руку обратно за пазуху и стал ожесточенно скрестить кошку.

— Подойди сюда поближе, сын мой, — проговорил Вотан. — Я плохо слышу. За последнее время я немалого отдох от канюццы и кроме того навязше у меня в ушах славословия Геббельса образовали пробку.

Мертвоголовый сделал шаг вперед и приблизился к богу. Вотан встал в свой эдлинственный глаз стеклышко и принялся разгладывать очередной подарок, присланный ему фюрером.

— М-да, неважный энд, неважный! — пробормотал он. — Неужели так выглядит сегодншние германцы? И почему ты не можешь стоять спокойно на месте, сын мой? Какой злой дух одолевает тебя? Что это, пляска святого Витта? Или ты одержимый?

Расторопный альф шепнул что-то на ухо Вотану.

Старый бог сконфузился.

— Ну, ничего, — проговорил он примирительно, — германец должен терпеть все.

— Хайль! — рявкнул мертвоголовый.

— Ну расскажи, сын мой: что ты делал среди живых? Как рос ты и воспитывался, о, юноша? Да брось ты чепуху хоть на минуту! Дай я посылаю тебя своим нафталином. — может быть, это поможет. Иначе я буду вынужден отправить тебя в чистилище. Это просто беда — ни одной жертвы нельзя принять теперь без саборботки. Ну, я слушаю тебя, юноша.

— Я был пимффом, — начал свой рассказ мертвоголовый. — Наш фюрер Адольф Гитлер, принесший меня в жертву вам, давно уже приказал всем германским мальчикам и девочкам, как только им минет десять лет, влязаться на прыжки пунтук. Девочек забирают в союз девочек, а нас — в отряд пимффов. И я стал пимффом. Я ходил в плазентосе и бессмертное звание колонны номер три. Может быть, вы читали в журнале «Дер пимфф» наше письмо другому отряду пимффов, который мы вызвали на полевою битву? Я запомнил это письмо наизусть. Прочсть вам его?

— Прочти, — разрешил Вотан.

— «Ми, смелые сыны боссерного звена колонны номер три, объявляем здесь вам, недостойные твари, вражду. Мы вызываем вас на откратую полевою битву, если выши раскские и адьютантские души остались еще живы после смерти свободных людей. Приведите с собой потугруа и посылышков жертведов, так как мы постарается как следует расплытаться с вами, недостойной сволочью,

с вами, боковыми силами, за нападение, выдвигаясь впереди»¹.

— Можешь не читать дальше,— заметил Вotan,— я уже усвоил самую суть. Что же, пимфы всегда говорят таким языком?

— Да! Фюрер любит, когда мы так выражаемся, и приказывает печатать наши письма в детских журналах. Фюрер говорит: «Мальчики должны с ранних лет научиться переносить побед». Фюрер говорит нам о старении у взрослых детей. Мы будем брать их в возрасте десяти лет и к восемнадцати приведем им наш дух».

— Так, так,— пробормотал Вotan.— Компрачкоси... Нет, ты не поймешь этого. Были такие на моей памяти похитители детей. Они брали младенцев или совсем юных подростков и делали из них уроков, горбунов, карликов на потребу комедиантов. Ну, продолжай, юноша».

И мертвоголовый сказал:

— А если находятся такие жалкие пимфы, что списки привязаны к материнской юбке, мы их отбрасываем у родителей насильно и воспитываем в особах лагерей. Их там быстро отучают занимать свои головы какими-нибудь мыслями и вскоре выбывают из них всякие чувства. И нас не очень перегружают наукой. Я очень горжусь, ваше божество, тем, что почти ничего не знаю. Наш министр культуры так и говорит: «Знания—жест, характер—золото».

— Но все-таки как же воспитывать теперя юных германцев?— заинтересовал Вotan.

— О! Прежде всего каждому пимфу объясняют, что всякий арктический мальчик может отлучить неарктического, отнять у него перочинный нож, карманные деньги... Когда наступают холодные дни и ветер по воздуху влечет еврейские перья, каждый из нас обязан взять дубину или лом и провонять свою ульцу. Это очень приятно—трахнуть по стеклу или поить за кося еврейскую девчонку. Иногда удается также сосать негра. Кровь за черной кожей выглядит очень эффектно. А мы слышали нашу песню:

«Бей, громи, кто тебе не нравится,
Заставим всех нам кланяться...»

Это сочинил сам Штрах, Бальдур фон Штрах—он долго был вождем нашей гитлеровской молодежи. Вот это молодец! Фюрер его обожает. Папаша у него именовал граф, поменьше. А наш Бальдур ни одной ночи не бывает трезвый. Он говорит, что с пятнадцати лет не расстается с коньяком и резольвером. Вот это действительно настоящий германский парень. По всей Германии носился, грабил, убивал. С девчонками не церемонился. Многие дуры даже самоубийством покончили. Так что вам, ваше божество, опять-таки прибавь еврейских богов. «Ни насильно, ни творить, а поновляться»,— вот как наш Штрах говорит. Молодого! Недаром фюрер сделал его руководителем «Гитлер-югенд»—союза гитлеровской молодежи. Я тоже оттуда. У нас теперь в школах даже специальные упражнения введено.

Так и называется: упражнение для остервенения. Собираемся во дворе и начинаем бить, кромсать, рубить, резать ножами и топорами всякие там чувака. При этом рычим, вопим и воображаем, что бьем всяких там негодяев. В конце концов мы же немцы, высшая раса, единственные настоящие люди на земле. Верно, ваше божество? Наш фюрер говорит: «В моих орденских крепостях будет подрастать молодежь, перед которой содрогнется мир. Я хочу вырастить грубую, властную, неустремленную, жестокую молодежь. Молодежь должна быть именно такой, какой я хочу. Она должна перенести колю, в ней не

должно быть ничего слабого и нежного. Ее глаза должны сверкать, как у свободного хищного зверя».

Старый Вotan невольно покачался.

— Можешь отойти немного дальше,— сказала он.— Я тебя отлично слышу.

Но мертвоголовый так разошелся, что продолжал насаждать на Вotана:

— Мы должны быть жестокими,—говорит наш фюрер,— и мы должны обрести свою юную совесть для жестокости. У нас нет больше времени для красивых чувств! Я сам был сааваком при палаче,—продолжал мертвоголовый.— У нас теперь во всех тюрьмах и концентрационных лагерях есть такая должность—юный помонщик палача. Мне еще шестнадцати лет не было, когда мне поручили эту обязанность. У-у! Я вам могу рассказать, какие штуки я знаю... Когда мы по-настоящему пороть и где у человека самые чувствительные места на теле. У нас в Силезии есть одна коронка девчонка, нисторваный армяк, специальную школу проходила в Кляйвине. Вот она уже может донести человека до точки. Когда она возмется за кого-нибудь, то уже будуче спокойной: он загонит! А как всеело у нас proceeds спортивные занятия? Конечно—подкачки мертвоголовых.—Вот, например, кроссы. Финны у нас дается в еврейских магазинах, и первый, кто добегает, имеет право наехать погром. Потеха!.. С девчонками у нас тоже лафа. Как четырнадцатилет лет стукнет, так их бегут в деревню отбывать трудовую повинность в сельских работах. А потом в специальные лагеря для молодежи. Ну и там, конечно, мы их обрабатываем в армянском духе. Родители могут не совмещаться: из наших лагерей выходят настоящие, стопроцентные германцы. Правда, иногда они сами оказываются мамами раньше времени. Вот недавно расмудели одна небольшая лагерь в Вюртеберге. Ну, и там тридцать четыре девушки собрались рожать, а у шестнадцати оказались не совсем родные болячки. Вироте это пустыня. Мы, настоящие германцы, плзем на это. Наш фон Штрах так и говорит: «Разговоры о морали—это разговоры для дураков. Мы плзем на мораль, если она мешает нам действовать. Наш профессор Эрнст фон Штрах утверждает, что одного нисторваного армяка хватят на двадцать девушек. Надо же, черт возьми, прозоболтаться об увеличении рождаемости! Эти разболтанные русские сильно поубавили нас. Мне лично берлинский государственный отдел по приросту в семьях обещал даже орден первого класса на красной ленте за поддержание родов». Жаль, черт, не успел покалечь его. Это русский пулеметчик оказался слишком метким. Иначе я, вернувшись после войны, показал бы, что такое настоящий германский мужчина».

— Ну-ну,—сказал, морщась, Вotan.— Я и сам в молодости, веков этак двадцать назад, тоже любил, а любил и творить, а и выгода не полагал, что придет время, когда германцы начнут хвататься вещами, которые бы сконфузили любого племенного хрипка. Как ты думаешь, юноша?»

— Я никогда ничего не думаю,—ответил мертвоголовый,— за меня думает фюрер. «Сознание—это еврейская выдумка»,—так говорит фюрер.

— Но все-таки скажи мне, юноша, сын Германин, читал ли ты что-нибудь в своей жизни? Любиль ли ты книги?»

— О! Книги я обожаю!—воскликнул мертвоголовый.— Они так ярко горят, когда их сложить вместе и подожжешь. Когда я еще был ливифром, да и потом мы не раз устраивали у себя во дворе костер из книг».

— Но ведь некоторые германцы сами писали книги в свое время, и народ читал их великими,—робко возразил Вotan.— Слыхал ли ты, например, о «Фаусте» Гете?

— О кулаке Гете? Не знаю, какими были кулаки у Гете, но мой кулак достаточно

крепок». И фон Штрах говорит, что эпизинэ авторитета руководителя коллективом базируется в большинстве случаев на кулачном праве. Вот!—и мертвоголовый повертел своим чугунам кулаком под самым носом у невольного отпирнувшего Вotана.

— Но, может быть, ты знаешь, все-таки, юный рыцарь Германии, о Шиллере, о Шекспире?

— Не знаю и знать ничего не хочу. Вероятно, какие-нибудь ублюдки вроде этого живописца Льва Толстого, в домике которого я незлобно слалю появлялся вместе с моими товарищами».

— Ну, а какие еще доблестные подвиги совершила ты в русском походе?—спросил Вotan у мертвоголового.

И тот стал лико перечислять, сколько кур он переловил, сколько домов сжег, сколько прострелял детей и над сколькими девушками надругался.

Старый Вotan преврал этот перечень подвигов мертвоголового.

— И что же,—спросил Вotan,— трудно было тебе преодолеть жалость, которая живет во всяком человеческом сердце?

— Жалость постыла для полновзрослого армяка. Жалость—это тоже еврейская выдумка,—без задыхания ответил мертвоголовый.

И тогда Вotan позвал другого бога, молодого Тора, и попросил его выстучать молодого германца, так как а душу дряхлого бога пропекло странное поозрение.

— Поборуй ешь своим молотом,—сказал он Тору,— процулуй его своим молниями. Мне слается, что Гитлер надолг меня».

И Тор стал стучать своим молотом по лбу мертвоголового и пронил его насквозь своими молниями, осветил молодого сына современной Германии изнутри и снаружи. И вскоре он доложил Вotану:

— Я слышал так, как ты приказал, о Вotan! Но в голове этого болвана не оказалось места. Я обнаружил там какое-то странное затвердевшее вещество, которое лодки называют пластмассой, заменяя им гордый металл. Не навел я у него и сердца. Пустая пинияя ерунда оказалась из том месте. И я ждал его и увидел не кроны, а каку-то непонятную мне жижу, которую он назвал синтетической кровью, зрячем, и объяснял, что она не выдерживает русского мороза. И я не мог напущать у него ни одной мысли. Ни одного человеческого чувства. В том месте, где у людей бывает сердце, рядом с пинной кружкой, я нашел комок длинных прозрачных лент, на которых теперь люди снимают амвизионские картины, а во рту у него вместо языка во-родилась круглая пластмассовая трансформонная пластмасска, и на этак пластмассовых были записаны выдержки из речей Гитлера и фон Штраха».

— А душа?—спросил Вotan.

— Ни молнии, своимни, ни молотом я не мог простукать душу,—ответал Тор.— В этом силе Германин нет души.

И Вotan вскончал под священным дубом так, что спугнул всего шестого ворона, который, заркавав «карраул, обкарнал», улетел прочь. И Вotan ударил копыем о землю и воскликнул:

— Этот Гитлер—негодий и обманщик! Он обещал принести мне в жертву людей, а только получать их души. Но это же не человек! Из него вынуты душа, сердце, мысли. Ну его к богу... к какому угодно, хоть к Будде, но только мне ненужна такая мертвоголовая Германия».

И, посылав свою оплешневшую голову нафталитом, он сел под дубом и замолк наовку.

¹ Гтра слов: фауст (Faust)—по-немецки «кулак».

¹ Это писаво, так же как и все другие фрагты на жизни гитлеровской молодежи, равно как и выкалывания Гитлера и других фашистских гаварьер, принадлежат к документальной точности».

ГЕНЕРАЛЫ УМИРАЮТ В ЛЕСУ

РАССКАЗ

Когда они впервые встретились, они думали о разном.

Генерал Йутт фон Хеллеру думал о солдате. Петр Стеценко думал о том, как бы удрать.

Генерал сидел за столом. Петр стоял перед столом. Руки Петра были связаны за спиной, а руки генерала выстукивали по столу мерную дробь.

— Поездили! — сказал генерал.

Ефрейтор ландвера Франц Винклер, который привел Петра из сарая в генеральскую канцелярию, морщил, поправлял очки и ответил срывающимся голосом:

— Слушаю, эксселенц...

Это было на Украине в 1918 году. Генерал Йутт фон Хеллеру был тогда еще не стар. Петр Стеценко был еще молод. Он служил путевым обходчиком на железной дороге, и его арестовали по обвинению на организации крушения воинского знамени германской армии. Единственным доказательством была старая газета, которую нашли в сторожке у Стеценко.

Германский военный суд должен был выяснить, виновен ли Стеценко в краже или в измене. Но пока генерал собирался опрашивать «русского бандита» в суд, из Киева пришло известие об убийстве Эйхгорна, и генерал решил не медлить. Он просто приказал повесить Петра Стеценку и выставить его труп на площади местечка на устрашение мирному населению.

Генерал Йутт фон Хеллеру ни на секунду не сомневался в том, что «мирное население надо просто запугивать». Это относилось к любому мирному населению, где бы оно ни жило: в Бельгии, в Сербии или на Украине. Генерал верил во всемогущество германской военной системы. Он не знал жалости — не потому, что он был от рождения злым человеком, а потому, что жалости нет места в германской военной системе. Некто «А» командует — некто «Б» исполняет приказание.

Все остальное является объектом надежды и должно страдать. Население должно страдать. Если население оказывает сопротивление, оно должно быть уничтожено.

Все, что оказывает сопротивление, должно быть уничтожено: будь это человек или бренок. Таков закон войны.

Под Верденом генерал Йутт фон Хеллеру выпустил четыре тысячи тонн металла по неприятельским позициям в течение одних суток. По его приказанию в течение тех же

суток было брошено в бой и погребено десять тысяч человек. С тех пор все звуки вокруг генерала слились в сплошной артиллерийский гул, из которого вырывались человеческие голоса, проносившие его имя. Это была слава. Это была война.

Но здесь, на Украине, в 1918 году генерал столкнулся со страшным фактом: солдаты начали думать.

Срывающимся голос ефрейтора Франца Винклера действовал на генерала гораздо сильнее, чем сотни крушений воинских знамен. Винклер устал. Ему надоело отговаривать, стрелять и убивать. «Б» с трудом выполнило приказание «А». Система рухнула. Война кончилась.

Петр Стеценко был еще совсем молодой человек. Он не знал принципов германской военной системы. Он не знал, что отец генерала, тоже генерал, погиб в победоносном сражении при Гравеслооте. Он не знал, что дед генерала, тоже генерал, погиб в победоносном сражении при Лейпциге. Он никогда не видел родового имени генерала фон Хеллеру, расположенного в Восточной Пруссии, имени, в котором все работы исполнялись за гроши руками польских батраков. Он не видел матери генерала, престарелой Frau Минды, женщины с сухим лицом и ледяными голубыми глазами. Он не видел полукруглого готического зала родового генеральского имени, в котором под портретами Бисмарка, Мольтке, Фридриха Второго и магистра Тентонского ордена Гильдебранда фон Хеллеру хранилась родословная генерала, восходящая к XIV веку.

Петр Стеценко не видел породистых собак генерала, не видел его фамильной конюшни, не видел ни охотничьих трофеев, ни сытых коров, ни витрины с орденами его предков. Петр Стеценко не знал, что все предки генерала были вожаки из самого генерала — те же каменистые лица, те же кирпично-красные загары лица, тот же розовый цвет лица и тот же острый, пристынутый гассто запах живота. Поглядев на все эти фамильные черты рода фон Хеллеру, Петр решил, что ответить на вопросы он не будет и лучше же ночью постарается убежать. Поэтому он ничуть не смущался, узнав, что его приказали повесить. Ночью он бежал, отобрал оружие и каску у ефрейтора ландвера Франца Винклера.

Ефрейтор не очень храбро сопротивлялся. Ему надоело стоять на карауле, исполнять приказание и тащить мирное население на виселицы. Ефрейтору больше всего хотелось

вернуться в родной город Крепелин и беседовать с друзьями за кружкой пива. На следующее утро генералу доложили о победе арестованного.

Генерал поборанил пальцами по столу.

— Солдаты, — сказал он задумчиво, — солдаты начали думать... Солдаты германской армии пишут домой слезливые письма... Если бы на войне можно было обойтись без пехотинцев, которые берут с собой а шлолов фотографии жен и детей, война была бы антрапом, но уже поздно, слишком поздно... Солдаты стали разговаривать с завоеванным населением. Боже мой, если бы можно было воювать без людей!

— Осмелю обратиться, эксселенц, — вмешался адъютант, — какие будут приказания?

— Приказания? Расстрелять ефрейтора Франца Винклера перед строем, — сухо сказал генерал, — и доложить мне...

Ефрейтор Винклер был расстрелян, но война все же была проиграна. Наступили черные дни. Генерал вынужден был надеть штатское платье. Его видели в зеленой охотничьей куртке и в фетровой шляпе с перьями на борту океанского парохода, который уводил его из Гамбурга в Южную Америку. В Германии генералу ничего было делать. Германия стала страной штатских людей, страной вегетических джамов и европейских журналистов — та Германия, которая славилась некогда мечами, пушками и отсутствием жалости! Генерал сердито завил на пароходе одному из грязных газетных писаек:

— В том, что Германия проиграла войну, виноваты солдаты!

— И великодушество! — хладнокровно добавил газетчик.

— Почему великодушество? — удивился генерал.

— А почему солдаты? — спросил газетчик.

На это генерал не ответил. Он ехал в Бразилию, где, по слухам, нужны были военные специалисты и где люди еще не разучились умирать.

А в это время Петр Стеценко, не зная ничего о биографии Йутта фон Хеллеру, османивал в колхозе «Красный путь» первый трактор и развалился, глядя, как машина облегает человеческий труд. Машина работала безотказно, гусеницы лагали, оставая на черной земле глубокий след. После в один день покосилась бородавка. К осени оказалась небывалый урожай пшеницы. После рабочего дня Петр Стеценко глядел запянутой рукой

рычаг трактора. Машина была неисправлива и верна.

— Тебе один друг нужен, браток, — сказал Петр трактору, — тебе нужен тракторист. И тебя не оставлю, а ты меня не подкачай.

А генерал фон Хеллеру уже возвращался на родину. Он все продал в бразильском изгнании! Во всем мире хотят содаты и железные дороги. Фотографы жиеи, шившая одежда, тесота и вонь шивелов, путевые обходчики, мирное население — вот причина поражения! В следующей войне будет царствовать машина-ведзелех, танк, бронированная военная колесница... Она все развалит, она везде пройдет! Минимум солдат, минимум мирного населения.

Строго говоря, гитлеровцы ему не нравились. В конце концов, это хулиганы, плебеи, уличная рвань! Но сам великий Люденлоф дружил с ними. И каких бы бредовых идей они ни настривали в своих книжках, генералу важно было одно: Гитлер — это война. Остальное не имело отношения ни к Гитту фон Хеллеру, ни к его родному имению, ни к его железному кресту.

Война пришла. Генерал дождался ее. Наступила преисподняя шивельская ночь, когда генерал почувал привкус в заветном выкесте, а утром громада зеленых бронированных машин с черными крестами, лязгая, рыва и дма, бросалась на советские поля.

Генерал едва сдержал восторг, когда увидел глубокие следы шинелов, идущие через шивелю, и первые трупы на межах. Гитлеровцы создали то, о чем он мечтал: — механических людей на механических повозках. «Бэ слепо и бовдо исполняю все, то, что приказывал «А». Танки или воемел — мирное население уничтожалось. Германская военная система не умерла.

В конце концов, этот Гитлер был совсем не плох! Это он воспитал молодое поколение, которое не знало ничего, кроме убийства, которое годилось отсутствием совести, — поколение, состоявшее целиком из «Бэ, которые исполняли то, что приказывало «А»!

Гусеницы с лязгом поехали на восток. Машина, на которой генерал Ягут фон Хеллеру

ехал вслед за танками, пробиралась по развороченным дорогам, среди обуглившихся оселов. Шивельские шинеловы, шивельские железные дороги, железные обфрейторы Вилервель, выкаемого мирного населения!

Машина генерала продвигалась по лесу, качалась на ухабах; как корабль во время шторма. Альтютант дремал, а голова его покачивалась из стороны на сторону.

Гитлер приказал генералу завоевать Россию, и генерал ответил: «Слушаю». Если бы Гитлер приказал завоевать Парагвай, генерал ответил бы: «Слушаю» — и пошел бы завоевывать Парагвай. Русские изобрели революцию. Немцы изобрели военную систему. Вперед!

Шофер внезапно застопорил машину.

— В чем дело? — сердито спросил генерал.

— Что-то на пути, господа генерал...

— Ничего на пути быть не может. Орианский тракт, выйдя за Грознянку, сворачивает на Три Коричи.

Генерал уверенно и неправильно произнес русские названия.

— Здесь шесть часов тому назад прощали наши танковые группы. След гусениц виден?

— Виден, господа генерал!

— Поежайте по следу.

Шофер генеральской машины вел ее по гусеничному следу начиная с Ломжи. Но здесь ночью, в густом шумящем лесу, под высоким небом, по которому холодный ветер свиреповал короткие мутные облака, — здесь шофер почувствовал какое-то странное замораивание сердца:

— Темная масса на пути, господа генерал...

Альтютант генерала проснулся и выхватил свой автомат-пистолет. Этот юноша был «хорошо проверенный» штурмовик и хватался за пистолет в любом случае жизни. Альтютант был приставлен к генералу от гестапо главным образом для наблюдения за генералом.

— Вперед! — сказал генерал.

Альтютант прыгнул на сырую землю и пошел вперед, похрустывая ветками. Генерал

двинулся за ним. Шофер шел позади. Но им же пришлось сделать и двадцать шагов. Они выкатились на странную массу закопанного металла, трыпок и грязи. Это был один из танков передовой группы. Он был сожжен. Единка остался внутри танка. Из шпелей и пробитого винтовочными пулями смрадом.

— Так, — сухо сказал генерал, разглядев черный крест на танке, — один вышел из строя. Но остальные правы. Надо обходить этот танк и двигаться дальше по гусеничному следу.

— Осмелюсь заметить, — сказал шофер дрожащим голосом, — этот танк уничтожен не из орудия...

Голос шофера был чем-то похож на голос ефрейтора Фрамша Вилервель на Украине в 1918 году.

— Как же он уничтожен? — сердито спросил генерал.

— Гитрицим беззачем, господа генерал. Танк, вероятно, отстал...

Генерал помолчал с минуту, потом сказал: — Во всяком случае, первая группа немцев не оставила колесом. Танки — не пехота: они идут напролом. Дайте старт — и поедом...

Генерал не закончил. Из мрачного леса раздалась гулкая аэрозуметная очередь. Альтютант покачался и медленно опустился на землю, свесив руки вдоль туловища.

— Принесите из машины автомат! — рявкнул генерал и лег прямо в грязь возле разбитой гусеницы танка.

Он стрелял из автомата около получаса. Стрелял в темноту, почти не целясь, стараясь расширить пули кругом. Противник воевал не по правилам военной науки. Противник был воеде. Пули били в траву и в развалины танка почти над самой головой генерала. Виенские генералу казалась, что стрелок сидит на дереве, над его головой.

— Осмелюсь заметить, — прошептал шофер, — слыши стрельбу слева, по дороге, километра за четыре. Вероятно, они напали на машины штабной корпорус. Скоро подойдет наша пехота...

Первая группа оторвалась от пехоты из четыре часа, — сухо сказал генерал. — Дайте мне дык!

Про Люденлофа говорили, что он очень посредственно стрелял из винтовки. Генерал фон Хеллеру не слишком хорошо стрелял из автомата. Военная система требует, чтобы солдаты стреляли, а генералы командовали. Когда генералы начинают стрелять, а солдаты дают им советы, германская военная система рушится. Танки должны были все развалить. Ничего не должно было оставаться, позания танков, кроме гусеничного следа. Но в этом лесу генерал Ягут фон Хеллеру впервые в жизни почувствовал отчаяние перед вещью, которая была выше его понимания. Это был темный лес, откуда стреляли. Кто там засел? Люди или машины? Если люди, то на каком языке им отдадут приказание? А если машины, то каким видом горючего они питаются? И почему они до сих пор не уничтожены?

Разсуждать не было времени. В автомате уже не было патронов. Генерал достал револьвер и сделал четыре выстрела в сторону черных гудящих оселов.

Ослы не ответили.

Генерал не подумал ни о своем поместье, ни о семейных портретах, ни о родовых колющих, ни о «железном кресте». Уловив ухом едва слышимый шорох листов позации себя, он поднял револьвер.

— Была допущена какая-то ошибка в системе, — сказал он тихо.

Затем он всмугнул дуло револьвера в рот — и нажал спусковой крючок.

Через несколько минут командир партизанского отряда Петр Степечко, сильно постаревший с тех пор, как его приговорили к погешению в 1918 году, стоял в первом трюме генерала фон Хеллеру и качал головой.

— Жаль, — сказал он, — собралась было поговорить с ним; мы старые знакомые... Он, видно, думал, что машины могут обходиться без людей... Вот и лежит в лесу как последняя собака... Убрать его, обискать машину!

Миноотники ЗА МИНАМИ

На обозначенных дорогах, по которым отступает враг, среди разбитых машин, срубив и танков часто можно увидеть небольшие круглые металлические коробки. Они лежат в стороне, на видном месте, и обозначены венчиками. Это немецкие мины, излагаемые нашими саперами. Сейчас мины уже безразличны. Их подбирают впереди себя за подготовленными частями трюфелевые козлянки. Потом из мины извлекают взрывчатое вещество и используют его против врага. Но пока мины в земле или в снегу — осторожней ступай, боец! Держи ухо остро, дайкис! Путь проложит тебе незаметный герой, неуловимый охотник за минами, бесстрашный советский сапер.

Наша саперы все сталкиваются с немцами лицом к лицу на полях сражений. Они действуют на расстоянии. И тем не менее между ними днем и ночью, из на минуту не утихают жесткая, смертельная борьба, такая же яростная и беспощадная, как у пехотинцев в рукопашной схватке, как у кавалеристов в лихой рубке.

Отступающий противник из кожи лезет вон, чтобы оставить или задержать продовольственные запасы частей. Люкочувствительные развешивают вражеские саперы. Они минировали дороги, мосты, подходы. В снегу, под землей зарыты маленькие круглые коробки. Их не видно. В них таится смерть. Герою, кто неосторожно ступит на нее заметный снежный буророк, под которым спрятана круглая коробка!

Пехота, преследующая противника, останавливается у минированной дорожки. Дельца тут закрыт. Закрыт ли? Тут выступают на сцену саперы. Начинается молчаливое состязание с немецкими саперами, сделавшими дорогу непроходимой. Кто выигрывает?

Несколько бойцов выстраиваются в ряд, в 3—5 метров друг от друга. В руках у них миноискатель — специальный аппарат, укрепленный на длинном держаке. По внешнему виду он похож на сачок, которым ловят бабочек. На сачках у бойцов надеются наушники, соединенные с аппаратом проводами. Саперы исследуют местность. Выставив вперед миноискатели, они обследуют каждый вершок земли. Метров в 40—50 за разведчиками следует команда: мина должна обезвреживаться надежными минами.

Вот идущий впереди услышал в наушниках резкий свист. Мина! Аппарат обнаружил под собой металлическую коробку. Разведчик останавливается, ставит на том месте, где обнаружена коробка, знак и продолжает свой путь. Миной занимается уже идущий следом. Он

осторожно подкапывает мину, извлекает ее и принимает взрывать. Теперь мина безопасна. Такая же операция повторяется со второй коробкой, с третьей — и так до тех пор, пока на дороге не останется ни одной мины. Путь пехоте открыт!

Разведчик услышал в наушниках миноискателя резкий свист. Глубоко под землей скрывается вражеская мина. Саперы осторожно откапывают смертоносный снаряд. Через несколько минут он будет обезврежен.

Немцы устроили на пути движения наших войск минное поле. Саперы обнаружили его. Как истощает саперов, они подкапывают, взрывают за взрывом, исследуют опасный участок, определяют его границы (фото слева). Теперь минное поле надо обследовать. Бойцы замечают шажок и отходят подальше. Страшный взрыв сотрясает воздух. Минное поле больше не существует. Путь на запад свободен!

сбав старостю раскиснать снег. Но вместо мины они обнаружили... пустую консервную банку. Немного дождавшись минькователя Астова снова подали сигнал. И в этот раз оказалась пустая жестянка.

— Ничего здесь нет, кроме всяких железок,— обратился к Астову Зайцев.— Стоит ли ковыряться?

Консервные банки показались Астову крайне подозрительными.

— Тут какой-то подвох. Надо искать... Опасения бдительного сапера оказались не напрасными. Через несколько шагов он наткнулся на приволакиваемую минькователем банку. Банки были закопаны для отвода глаз.

Существовало определенное системное расстояние мины: рядами, в шахматном порядке и т. д. Чаще всего применяется шахматная расстановка. В практике войны не раз доказывалось, что мины были заложены с частой немецкой аккуратностью, на определенном расстоянии одна от другой. К этой системе уже стали привыкать. Но вот сапер сержант Смердов идет в разведку, находит заминированный участок и неожиданно обнаруживает, что мины расставлены как полено: здесь — одна мина, тут дальше в сторону — три, совсем рядом — опять одна, потом две...

Нет, не случайный это беспорядок. В нем есть своя не лишенная остроумия система. Расчет у фашистов простой: всякую систему можно разгадать, а беспорядок не разгадаешь. Однако наши саперы сумели разгадать и беспорядок.

На одном из участков Западного фронта отделение саперов под командованием сержанта Шерстова проводило работу разминирования дорог. Обнаружили и обезвредили несколько противотанковых миин, саперы подошли к опушке леса, в котором засел противник. Дорогу прерывал лесной завал из досок. Такие завалы часто встречаются в лесах. Ничего не стоило бы очистить его: один танк или тягач в минь раскатыл бы, ветки и осколки дороги. Однако Шерсток решил неспеша запретить делать это. Сержант поклялся странному, почему так тяжело только на дороге, а по сторонам их нет. Разве деревья падали по заказу? Шерсток взял длинную жердь и стал отступать сзади одну метру за другой. Под ним оказались три противотанковых мины. Если бы не бдительность сержанта, тягач или танк неизбежно подорвался бы.

Минь немцы не жалуют и таскают их, куда только можно. Минируют они все, что под руку попадется: дом, печь, корытло у избы, разрушенный мост, минируют трупы лошадей, солдат. Известны случаи, когда фашисты минируют броневики вдоль дорог, исправные самолеты, тягачи, даже своих раненых солдат.

Такие мины часто называют «спиритизмы». Дверь дома, дверца автомашины, будто незваный обретенный торгштанг или козешек толстой архаической содомиты с минькой. Стоит не в меру бесстыдному и любознательному бою влезть за ручку двери, поднять козешек — последует взрыв. Конечно, серьезного урона эти мины причинить не могут. В худших случаях они поразят нескольких танков. Да немцам, собственно, не это нужно. Их задача — запугать бойцов, посеять среди них сепаратную клиновьянность.

Трудно и иногда опасно работа сапера. Опасность подстерегает его на каждой тропинке, на каждом вершке земли. Он всегда — как на жарком погорбе: в любую минуту может провалиться в пропасть. Где же пройдет пешота, где вынуждены будут оставаться танки, там обязаны пройти саперы. Саперы в рывок под ураганым озем противника и озем вперед пешоты и расширяет его путь.

Существует очень меткая поговорка: «Сапер может сменить только один шаг — ибз за верную же свою ошибку он расплатится собственной жизнью».

Любит и уважают саперы бойцы Спецальности, отстоявшие за миньку тропинку в Красной Армии. В ней есть много романтичного, и это алетет сердца нашей мужественной, пылкой молодежи. Искателя мины пообязают врата хитростью, умом и сноровкой, они прокладывают путь войскам к победе и славе.

Военный СЛОВАРЬ

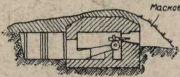
Огневая точка. За этим названием скрываются весьма отвлеченные друг от друга понятия. Во всяком случае, эта точка совсем не похожа на ту геометрическую точку, представляющую о которой мы получали еще на школьной скамье.

Воев с ручным пулеметом, из-за укутов распространяющей короткими очередями нисходящие цепи противника,—огневая точка. Станковый пулемет (бедня или группа их), позволяющий свинтовым линиям пражеские позиции,— это тоже огневая точка. Грозный

Вот это огневые точки.

Долговременная огневая точка (ДОТ). Такие укрепления возводятся обычно в пограничных районах и в условиях затяжной, позиционной войны. Строятся они из особо прочных материалов, как железобетон, железо, броня сталь. Все сооружение находится в земле. На поверхности выступают только стальные купола с амбразурами, через которые гарнизон ДОТ ведет огонь по противнику.

Разрез артиллерийского железобетонного каземата для 45-миллиметровой пушки.

Чтобы разрушить ДОТ, требуются мощная по калибру артиллерия (крупнее 150 мм) и соответствующие калибры авиобомбы. Это средства, конечно, широко применялись нашей Красной Армией против укрепленной пределовой линии Маннергейма и привели к блестящим результатам.

Как устроены и вооружены ДОТ, мы можем судить, например, по сооружениям той же линии Маннергейма. Каких там только не было ДОТ! И совсем маленькие, вооруженные всего одним пулеметом, и настоящие крепости, с мощной артиллерией, с подземными ходами сообщения, убежищами для многочисленного гарнизона, боевыми казематами, наблюдательными пунктами, бронебашнями.

В зависимости от характера вооружения ДОТ бывают пулеметные, артиллерийские и пулеметно-артиллерийские (смешанные).

Дерево-земляные огневые точки (ДЗОТ) значительно уступают по прочности ДОТ. Это — сооружения полевые. В них нет

минометов, осевших смерть и разрушения в неприятельских блиндажах, скорострельных пушек, снаряд которых пробивает броню танка,— это также огневые точки. Короче говоря, огневой точкой называется всякое огневое средство, расположенное на позиции.

Иной раз точка разрастается до размеров весьма сложного и крупного сооружения из железобетона и стали, с мощными артиллерийскими установками, управляемыми при помощи совершенных приборов. Точка, представляющая собой последнее слово фортификационного искусства!

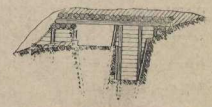
Такие точки в отличие от других, более подвижных, маневренных носят название долговременных огневых точек, или сокращенно —ДОТ. Укрепления постройке, сделанные из материалов, находящихся под рукой, называются дерево-земляными огневыми точками, или ДЗОТ.

ни железобетона, ни стали, ни других специальных материалов. Для постройки ДЗОТ, как правило, используются земля и дерево —отсюда произошло и название их.

Простота устройства ДЗОТ позволяет применить этот вид укрепления в условиях маневренной войны. Благо, материал для них можно найти всюду, а для того чтобы выжить котлован, обложить его внутри камнями или бревнами, прикрыть сверху накатом из бревен и земли, не нужно много времени.

Немецко-фашистские войска, отступающие под натиском Красной Армии, пытаются зацепиться за каждый удобный рубеж. Где только можно, они стараются сильно укрепить свои оборонительные участки и с этой целью часто прибегают к устройству ДЗОТ.

Строят они ДЗОТ самых различных типов, видов и размеров. На некоторых участках Калининского фронта, к примеру, фашисты устраивали свои ДЗОТ следующим образом: отрывали котлован, стены которого выкладывали камнем, а сверху делали перекрестия из бревен —шесть накатов, причем промежутки между накатами закладывали камнями и землей. Эти ДЗОТ способны простоять не только ружейно-пулеметному огню, но и миным и снарядам полевой артиллерии. Внутри ДЗОТ фашисты устанавливали один или несколько пулеметов, а в то и оружие. Как и ДОТ, ДЗОТ тоже бывали пулеметные, артиллерийские и смешанные.

Устройство дерево-земляной огневой точки. Это — ДЗОТ, рассчитан на один станковый пулемет.

Бойцы Мечется над врагом

(По страницам фронтовых газет)

СОЮЗНИЧКИ

(Рассказ очевидца)

Удара от наших бойцов, финны напорились на мшиное поле, упрямое немцами. Несколько финнов, «разминировав» часть поля, а с пешим порядком отступили на место, а остальные потоптались на месте, а затем, армиям ошарашивший вид отошли в сторону.

Они решили, что справедливо будет дать прокуляться по мшиному полю и асфальту.

Немцы не замечали являться. В ясных северных газах финнов они не проли подлоха и сразу же выкатились на мшиное поле.

...В течение нескольких минут

на финнов падали с неба обрывки штабля, железные кресты и мачетные пугалоцы.

На этом месте в прошествие выисались красноармейцы. Большая часть финнов и ушелших от них немцев была мгновенно уничтожена, меньшая — взята в плен. Тотчас же между пленными выисались раздоры. Особенно ругался раненый мимой немец Пауль Шмидт. Рыча от боли, кося огненным взглядом на финнов, Шмидт говорил:

— Проклятый финн! Знал, а не сказал!

Лейтенант М. ЧЕРНЕЦКИЙ

ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА

Венгерский солдат (итальянскому). Я слышал, что вас пугают бьют?

Итальянец (испуганно). Кто бьет, где бьют?

Венгерец. Как — где? В Линин, на Восточном фронте, в Югославии, в Греции...

Итальянец (облегченно вздыхая). Ах, там бьют. А я уж думал — еще где-нибудь...

КАЛЕНДАРНЫЙ ПОДХОД

— Хороший месяц февраль!

В этом месяце русские будут нас бить меньше, чем обычно.

— Почему?

— В феврале всего двадцать восемь дней.

— Вы не знаете русск. языка! Они за двадцать восемь дней захотят выполнить тридцатидневную программу.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ

(Поэма по Пушкину)

Глядит он в раздумьи на дамскую шаль,
И хладную душу терзает печаль.
В далекой чужбине немца белый свет,
От русских морозов спасения нет.
О Гитлер, убийца, зачем свою рать
Привел ты в Россию в снегах умирать?

Солдаты России штыком и огнем
И бьют нас и говорят и ночью и днем.
Нигде нет спасенья, повсюду нас бьют,
И жарды похоронный нам выгнет поют.
И вот заграбастала я дамскую шаль,
Не греет шлодята, на сердце печаль.

Лейтенант МАРТЫНОВ

Рисунки Г. Вальк

За последнее время среди немецко-финско-итальянско-румынских войск наибольшим успехом пользуются следующие музыкальные нотки:

«ВЫ ПРОСИТЕ СВОДОК — ИХ НЕТ У МЕНЯ!»

«ЭХ ВЫ, НОГИ, МОИ НОГИ, ПОМОГИТЕ УДИРАТЬ!»

Ария. Слова и музыка Геббельса. Передается германским радио ежедневно ввиду полного отсутствия у немцев каких бы то ни было побед на Восточном фронте.

Самая любимая и популярная песня отступающих фашистских дивизий и полков. Исполняется многоголосым хором.

«О, ЭТИ РУССКИЕ ШТЫКИ!»

«ПУСКАЯ В МОГИЛУ МЕНЯ ЗАРОУТИ!»

Общешашистский романс. Поется на бегу, дрожащим голосом, на мотив: «О, эти черные глаза».

Слова романса запоминаются очень быстро и забываются только после смерти.

Веселая песенка из репертуара белофинских солдат и офицеров. Исполняется за полсекунды до того, как советские снайперы берут их из мушкетера.

Ответственный редактор — М. Г. ОСИПОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д 3-34-24.

Непринятые рукописи не возвращаются.

№ 00808

Подготовлено и напечатано 25/IV-42 г.

Изд. № 296. Формат 72x110 см. 3 л. в. 84. в. п. л. 38/80.

Заг. № 677.

Тираж 60 030 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.